

СТРАНИЦЫ *советской* ИСТОРИИ
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Л. Н. Лопуховский
Б. К. Кавалерчик

ИЮНЬ 1941

ЗАПРОГРАММИРОВАННОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Б е л л е т р и с т и к а
В е р с и и / В о ж д и / Д е б а т ы
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Страницы советской истории. Исследования

Лев Лопуховский

Июнь 1941.

Запрограммированное поражение

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2020

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Лопуховский Л. Н.

Июнь 1941. Запрограммированное поражение /
Л. Н. Лопуховский — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2020 — (Страницы
советской истории. Исследования)

ISBN 978-5-8243-2389-4

Военные поражения 1941 г. оказались настолько неожиданными, а потери Красной армии так велики, что эта рана в народной памяти не зажила до сих пор. По сей день продолжаются ожесточенные споры о причинах и виновниках трагедии. И главный вопрос – можно ли было ее избежать? В новом, существенно переработанном и дополненном издании книги ведущие военные историки доказывают: реальной альтернативы катастрофе не существовало. Трагедия 1941 г. была не случайна – она обусловлена объективными факторами, такими как реальное состояние боевой и мобилизационной готовности Красной армии, уровень экономики СССР и система принятия важнейших решений. Книга окажется весьма полезной тем, кто хочет понять, почему Красная армия, проиграв многие сражения первой половины войны, все-таки разгромила нацистскую военную машину и водрузила Знамя Победы над Рейхстагом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-8243-2389-4

© Лопуховский Л. Н., 2020

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2020

Содержание

22 июня 1941 года	7
Глава 1	22
1.1. Создание рейхсвера	22
1.2. Секретные германские военные школы в СССР	29
1.3. Сотрудничество рейхсвера и Красной армии	32
1.4. Вермахт – инструмент агрессии	37
1.5. Блицкриг: стратегия и тактика	41
Глава 2	44
2.1. Планы, политика и реальность	44
2.2. Военное строительство в СССР	50
2.3. Очаг войны на Дальнем Востоке	57
2.4. Эскалация гонки вооружений	61
2.5. Предвоенное оперативное планирование	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Лев Николаевич Лопуховский,
Борис Константинович Кавалерчик
Июнь 1941.**

Запрограммированное поражение

© Лопуховский Л. Н., 2020

© Кавалерчик Б. К., 2020

© Политическая энциклопедия, 2020

22 июня 1941 года (Вместо пролога)

На рассвете того дня СССР подвергся ничем не спровоцированному внезапному нападению германских войск. На мирные советские города обрушились бомбы люфтваффе. Однако основные его усилия были направлены на завоевание господства в воздухе. Первый удар, в котором участвовали 637 германских бомбардировщиков и 231 истребитель, пришелся по 31 заранее разведанному советскому приграничному аэродрому на удалении до 80 км от госграницы. Его наносили наиболее подготовленные экипажи, взлетающие в полной темноте и пересекавшие границу на большой высоте, начиная с 3.00 (4.00 московского времени, так как с 01.04.1940 по 02.11.1942 войска Третьего рейха действовали по летнему берлинскому времени, которое на час отставало от московского). После доразведки намеченных объектов немцы силами 400 бомбардировщиков атаковали аэродромы, расположенные на расстоянии 160–400 км в глубину советской территории.

Но этим дело не кончилось. Неоднократные повторные налеты и штурмовки 66 советских аэродромов, на которых базировалось 70 % самолетов пограничных округов, продолжались в течение всего дня. Удары наносились по авиации Западного (26 аэродромов), Киевского (23) и Прибалтийского (11) особых военных округов, а также Одесского (6 аэродромов) военного округа. В них участвовали 1765 германских бомбардировщиков и 506 истребителей¹. Бомбардировщики совершили в тот день по 4–6 боевых вылетов, пикирующие бомбардировщики – по 7–8, а истребители – по 5–8. В результате в первый день войны немцам, по их подсчетам, удалось уничтожить 1811 советских самолетов, из них 1489 на земле и еще 322 – в воздушных боях. Люфтваффе же недосчиталось всего лишь 35 своих самолетов².

По официальным советским данным 22 июня авиация пограничных округов потеряла около 1200 самолетов, из них 800 – на аэродромах³. Больше всех пострадал Западный фронт, лишившийся в тот день 738 самолетов, 528 из которых были уничтожены на земле⁴. Но огромные потери советских ВВС объясняются не только результатом действий люфтваффе. Немало техники пришлось бросить в связи с быстрым продвижением наземных войск противника. Главным образом – из-за повреждений и неисправностей, которые некогда было устранить, или нехватки экипажей⁵. Так, из 911 безвозвратно потерянных в июне 1941 г. в КОВО боевых самолетов 108 были уничтожены и оставлены при отходе. Еще 106 разбились в авариях и катастрофах⁶.

Одной из причин высокой убыли советских самолетов от ударов с воздуха в первый день войны было их открытое размещение тесными рядами на приграничных аэродромах. Отметим, что 19 июня 1941 г. появился приказ № 0042 «О маскировке аэродромов, воинских частей и важных военных объектов округов»⁷. Подписавшие его нарком обороны СССР С.К. Тимошенко и начальник Генштаба Красной армии Г.К. Жуков требовали тщательно замаскиро-

¹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2008. С. 386; Хорьков А.Г. Грозовой июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 184; На земле Беларуси: канун и начало войны. М.: Кучково поле, 2006. С. 204–205.

² Germany and the Second World War. Vol. IV. The Attack on the Soviet Union. N. Y.: Oxford University Press, 1999. P. 764.

³ 1941 год – уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С. 149.

⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 20.

⁵ Тимин М.В. Воздушное сражение за Сталинскую Прибалтику. М.: Яузаэкспресс, 2018. С. 617–619.

⁶ 1941. Документы и материалы к 70 летию начала Великой Отечественной войны. Т. 1. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2011. С. 141.

⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 201–203. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–1). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. М.: ТЕРРА, 1994. С. 280–281.

вать аэродромы, их постройки, взлетные полосы и бензохранилища, а также рассредоточить и сделать незаметными с воздуха размещенные там самолеты. Однако этот документ безнадежно запоздал, ведь срок его выполнения был назначен на 1 июля 1941 г. Только в ОдВО боевые самолеты успели рассредоточиться по посадочным площадкам, и лишь 45–50 из них были потеряны⁸. Но нельзя забывать, что против него действовали в основном румынские ВВС, заметно уступавшие в боеспособности германским.

Нанеся тяжелые потери авиации Красной армии, немцы завоевали господство в воздухе, обеспечившее им весомое преимущество в ходе боевых действий. Уничтожение значительного количества советских истребителей позволило люфтваффе в дальнейшем все чаще применять свои бомбардировщики без сопровождения, а истребители – для штурмовки наземных объектов.

Действия вооруженных сил Германии в операции вторжения были тщательно спланированы, чтобы в первый же день добиться максимальных результатов. Продолжительность светлого времени в эти сутки наибольшая, такая же, как и 21 июня, в день летнего солнцестояния. Немцы стремились как можно полнее использовать его для успеха наступления. Но в разных местах советско-германского фронта, протянувшегося на тысячи километров, солнце восходило в разное время, обусловленное географическими координатами местности. Это иллюстрирует Таблица 1, рассчитанная по данным Военно-морской обсерватории США.

Таблица 1

Долгота астрономического и полного светового дня для разных пунктов советско-германской границы 22.06.1941

Название	Время				Долгота астроно- мическо- го дня	Время				Долгота полного светово- го дня
	восход		закат			рассвет		сумерки		
	моск.	берл.	моск.	берл.		моск.	берл.	моск.	берл.	
Вильнюс	04.41	03.41	22.00	21.00	17 ч. 19 мин.	03.44	02.44	22.57	21.57	19 ч. 13 мин.
Сувалки	04.55	03.55	22.05	21.05	17 ч. 10 мин.	04.00	03.00	23.00	22.00	19 ч. 00 мин.
Брест	05.04	04.04	21.50	20.50	16 ч. 46 мин.	04.15	03.15	22.39	21.39	18 ч. 24 мин.
Рава- Русская	05.15	04.15	21.40	20.40	16 ч. 25 мин.	04.30	03.30	22.25	21.25	17 ч. 55 мин.

Первоначально германское вторжение было назначено на 03.30 по берлинскому времени. Но 14 июня на совещании у Гитлера по предложению группы командиров корпусов его перенесли на полчаса раньше⁹. При этом право на окончательное решение этого вопроса получили командующие группами армий. Они сами устанавливали для своих войск как время начала и продолжительность артподготовки, так и момент перехода границы – но не ранее 03.00 по берлинскому времени. Все зависело от метеоусловий и обстановки в полосе наступления. Однако решающим фактором была показанная в Таблице 1 пора так называемого «артиллерийского рассвета», при котором появлялась возможность наблюдать за результатами орудийного огня.

⁸ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 3. Л. 357–381. Цит. по: Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Т. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 306; Хазанов Д.Б. 1941. Борьба за господство в воздухе. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 108.

⁹ Гальдер Ф. Военный дневник, 1940–1941. М.: АСТ, 2003. С. 706, 709.

С точки зрения продолжительности светлого времени суток наиболее благоприятные условия сложились для войск ГА «Север». Они постарались их использовать в полной мере и начали операцию пораньше. Для достижения большей внезапности германское наступление там предвлялось только короткими огневыми налетами. Так, 6 я тд пересекла границу в 3.05 (04.05 по московскому времени) сразу же после пятиминутной артиллерийской подготовки по заранее разведанным целям. Одновременно перешли в наступление ее соседи – 1 я и 7 я танковые дивизии.

В полосе ГА «Юг» светало чуть позже, и там артподготовка началась еще в темноте, в 03.15 (04.15 по московскому времени). Передовому отряду 11-й тд пришлось ждать наступления рассвета, чтобы начать переправу через р. Буг по наведенному саперами понтонному мосту¹⁰.

В сложном положении оказался командующий ГА «Центр» Федор фон Бок, ведь его соседи начинали операцию в разное время. Ему пришлось синхронизировать момент выступления своего левого крыла с ГА «Север», а правого – с ГА «Юг»¹¹. Но это не вызвало особых осложнений, поскольку на центральном участке фронта немцы вначале не наступали, давая возможность ударным фланговым группировкам поглубже охватить советские войска в Белоруссии.

Таким образом, Германия вероломно напала на СССР в период с 03.00 до 03.15 утра по берлинскому времени или с 04.00 до 04.15 по московскому. Трагедию того воскресного дня, вмиг перевернувшего жизнь советских людей, можно представить по событиям в районе Бреста – большого белорусского города, расположенного у самой границы. Здесь на направлении Брест – Минск – Смоленск – Москва вермахт наносил главный удар силами своей наиболее мощной ГА «Центр».

Стараясь ошеломить противника и подавить его волю к сопротивлению, немцы применили на решающих участках самые современные огневые средства. Особое место среди них занимали уникальные артиллерийские орудия, перед которыми не могли устоять никакие оборонительные сооружения. На вооружении вермахта тогда состояли четыре сверхтяжелые самоходные 600 мм мортиры. Против Брестской крепости действовали две из них с боекомплектом из 36 бетонобойных снарядов весом 2170 кг каждый, способных пробить железобетонное перекрытие толщиной свыше 2,5 м¹². Их тоже задействовали в артиллерийской подготовке, начатой в 04.15 по московскому времени.

На крепость обрушился ураганный огонь. Кроме штатной артиллерии наступавшей там 45-й пд (три легких артдивизиона и один тяжелый, насчитывавшие 36 105 мм и 12 150 мм гаубиц) в 25 минутной артподготовке участвовал подчиненный ей дивизион из девяти 210 мм мортир. В первые 5 минут боя такие же мортирные дивизионы, поддерживавшие соседние 31-ю и 34-ю пд, в максимальном темпе обстреливали крепость, а затем перенесли огонь на участки своих дивизий¹³. Приданное 45-й пд 88 мм зенитное орудие прямой наводкой расстреливало советские ДОТы на противоположном берегу Буга. Вместе со ствольной артиллерией работало новейшее тогда оружие – полк тяжелых реактивных минометов. В начале артподготовки его установки 5 минутным залпом выпустили по крепости 1440 280 мм фугасных снарядов и еще столько же 320 мм зажигательных.

Огонь велся по круговой казарме в центральной части крепости, домам начсостава, мостам и входным воротам. Для его корректировки на участке наступления немцы использо-

¹⁰ The Initial Period of War on the Eastern Front. 22 June – August 1941. Edited by D.M. Glantz. L.: Frank Cass & Co. Ltd., 1993. P. 112, 130, 170, 325.

¹¹ Generalfeldmarschall Fedor von Bock. The War Diary. 1939–1945. Atglen, PA: Schiffer Military History, 1996. P. 222.

¹² Jentz T.L. Bertha's Big Brother Karl Geraet (60 sm) & (54 sm). Boyds, MD: Panzer Tracts, 2001. P. 24, 33.

¹³ ВА МА RH 26 45/27. Цит. по: Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии. Смоленск: Инбелкульт, 2017. С. 301.

вали привязные аэростаты¹⁴. Не все прошло гладко: один из снарядов в результате недолета попал в гущу своих солдат на западном берегу, убив и ранив 20 человек, а заодно вывел из строя четыре штурмовые лодки¹⁵. Но это не помешало германской пехоте под прикрытием артобстрела в 03.19 (04.19 по московскому времени) начать форсирование Буга на надувных лодках и через девять минут высадиться на его восточном берегу¹⁶. Огневой вал артподготовки стал перемещаться вперед, прокладывая путь штурмовым подразделениям.

Внезапный град снарядов вызвал замешательство среди личного состава крепости. А многие старшие и средние командиры жили в городе и не сумели добраться до своих частей и подразделений из-за плотного артобстрела. Оставшиеся без руководства красноармейцы и младшие командиры группами и поодиночке пытались выбраться из цитадели. Но попасть на обычное место сбора им не удалось, так как немцы, заранее установившие его наблюдением за учебными тревогами гарнизона, вели по нему губительный огонь. Немало захваченных врасплох советских военнослужащих оказалось в плену в первые же часы боя. Кадры германской кинохроники запечатлели, как их полуодетыми конвоируют по железнодорожному мосту на западный берег Буга. Некоторым командирам удалось пробиться к своим бойцам, но вывести их они уже не смогли и сами остались в крепости.

Советские военнослужащие, попавшие в плен в Бресте в первые часы войны

Потери в людях, вооружении и технике оказались огромными. Большая часть орудий и автомашин, находившихся в открытых парках, была уничтожена. Лошади сотнями погибали в конюшнях и у коновязей. Подразделения, попавшие под разрывы снарядов на артиллерийском

¹⁴ Алиев Р.В. Штурм Брестской крепости. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 85–86, 314, 388.

¹⁵ ВА МА RH 26 45/27. Цит. по: Брест. Лето 1941 г. С. 130.

¹⁶ ВА МА RH 26 45/20. Цит. по: Там же. С. 247–248.

полигоне под Брестом, первоначально решили, что их по ошибке обстреливали свои, и тщетно пытались сигнальными ракетами и звуками труб остановить смертоносный огонь¹⁷.

Схожие картины наблюдались тогда на многих участках советскогерманской границы. Нет смысла в очередной раз подробно пересказывать все, что случилось на рассвете 22 июня, тем более что эти события уже описаны в многочисленных воспоминаниях непосредственных участников и очевидцев, переживших начало войны. Попробуем разобраться в основных причинах произошедшей трагедии. Вторжение было назначено на воскресенье с расчетом застать Красную армию врасплох именно в выходной день. Накануне, 21 июня в 13.00 германские войска на Востоке получили условный радиосигнал «Дортмунд», дававший добро на начало нападения согласно разработанным планам (на случай отсрочки операции предусматривался другой условный сигнал – «Альтона»)¹⁸. С этого момента началось выполнение графика операции «Барбаросса». Танковые дивизии в ночь на воскресенье начали выдвижение на исходные рубежи для наступления. В 8.00 вечера в частях, предназначенных для вторжения на следующее утро, огласили приказ Гитлера о начале войны с СССР. До остальных войск его довели уже после начала боевых действий¹⁹.

К немалому удивлению немцев, все говорило о том, что на другой стороне границы никто не догадывался о предстоящем нападении. Вот свидетельство Гудериана: *«Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они производили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. <...> Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени»*²⁰.

Его воспоминания подтверждает донесение оперативного отдела ГА «Центр», составленное в 8 часов утра 22 июня. В описании наступления в полосе 4-й армии, где действовали войска Гудериана, там отмечено: *«По-видимому, противник на всех участках застигнут врасплох»*²¹. А вечером того дня из ГА «Центр» доложили наверх: *«Внезапность при переходе границы полностью удалась. <...> Общее впечатление – противник не ожидал нашего наступления, что позволило прорвать пограничные позиции»*²². Начальник Генерального штаба сухопутных сил вермахта генерал полковник Франц Гальдер подытожил первый день войны в своем дневнике:

«Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й [на правом фланге группы армий “Юг” в Румынии], перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.

Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожи-

¹⁷ Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. М.: Вече, 2006. С. 431, 434.

¹⁸ 1941 год. Кн. 2. М.: МФД, 1998. С. 340–341.

¹⁹ ЦГАВО Украины. Ф. КМФ 8. Оп. 2. Д. 142. Л. 2–10. Цит. по: ВИА. № 5. 2001. С. 99.

²⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. С. 208.

²¹ 1941 год. Кн. 2. С. 433.

²² На земле Беларуси. С. 170.

дать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность. Военно-морское командование также сообщает о том, что противник, видимо, застигнут врасплох»²³.

Так в чем же дело? Почему Красная армия оказалась не готова к отражению германского нападения? Каким образом немцам удалось скрытно подготовить и осуществить внезапное вторжение многомиллионной армии на территорию СССР? Чем занималась советская разведка? О чем думало командование пограничных округов? Неужели в Москве не знали о подготовке вермахта к агрессии? На эти да и на многие другие вопросы до сих пор нет однозначных ответов.

Вернемся несколько назад, к середине июня, когда обстановка в пограничных районах стала особенно тревожной. Командному составу отменили отпуска. Местные жители, сохранившие связи со своими родственниками по ту сторону недавно обустроенной советско-германской границы, прямо говорили, что скоро начнется война, и сюда придет «герман». Они старались сбыть советские деньги, а заодно спешно запасались продуктами и товарами первой необходимости. Население Западной Белоруссии за две недели до нападения немцев активно сушило сухари, скупало соль, сахар, керосин и все то, что можно заготовить впрок²⁴.

Чтобы не поднимать панику, командование запретило отправку в глубину страны семей командиров. В субботний вечер 21 июня военнослужащие Красной армии получили возможность отдохнуть после напряженной рабочей недели. Все надеялись, что хоть это воскресенье обойдется без учебных тревог. Верхушка ЗапОВО превратилась в завязятых театралов. Многие командиры и политработники 4-й армии решили воспользоваться приездом в Брест артистов московской эстрады и посетить их концерт. Командующий армией генерал майор А.А. Коробков со своим начальником штаба полковником Л.М. Сандаловым отправились в Дом Красной армии в Кобрине на гастрольный спектакль Белорусского театра оперетты «Цыганский барон»²⁵.

Принято считать, что командующий войсками ЗапОВО генерал армии Д.Г. Павлов и его заместитель генерал лейтенант И.В. Болдин в тот вечер поехали в минский Дом Красной армии на легкомысленную комедию «Свадьба в Малиновке»²⁶. Но Болдин, воспоминания которого послужили основой этого популярного заблуждения, за давностью лет напутал. На самом деле в Минске тогда гастролировал МХАТ, репертуар которого не имел никакого отношения к оперетте. В 8 часов вечера 21 июня в Доме Красной армии состоялся его спектакль «Тартюф» по пьесе Мольера. Его и посетило командование ЗапОВО во главе с Павловым.

Но даже там генерал не забыл о своих служебных обязанностях. В его ложе установили телефон ВЧ связи, позволявший вести переговоры с войсками округа и Москвой²⁷. Между 11 и 12 часами вечера Павлов приказал, чтобы командование подчиненных ему армий находилось в своих штабах и ожидало особо важного распоряжения²⁸. Да это и понятно – тревожная обстановка на границе не настраивала на благодушие. Сам командующий, несомненно, осознавал нависшую над его округом опасность и просил у начальства разрешение занять войсками

²³ Гальдер Ф. Военный дневник, 1941–1942. М.: АСТ, 2003. С. 9.

²⁴ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 977441. Д. 2. Л. 164–301. Цит. по: Пишу исключительно по памяти... Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 458; НАРБ. Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 67. Л. 28–29. Цит. по: ОУН УПА в Беларуси, 1939–1953 гг. Документы и материалы. Минск: Вышэйшая школа, 2012. С. 33.

²⁵ Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 77–79.

²⁶ Болдин И.В. Страницы жизни. М.: Воениздат, 1961. С. 81; Ржешевский А.А. Павлов. Тайна расстрелянного генерала. М.: Вече, 2005. С. 175.

²⁷ Воронкова И.Ю. «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...» Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны. Минск: Беларуская навука, 2011. С. 41.

²⁸ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 22; Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 79; 1941. Документы и материалы. Т. 2. С. 24.

пограничные укрепления. Но 20 июня нарком обороны Тимошенко запретил ему это делать, чтобы не вызвать провокацию со стороны немцев²⁹.

Так чем же можно объяснить культпоход Павлова в театр: завидным спокойствием или преступной беспечностью? Судя по всему, он пытался личным примером вселить уверенность в своих подчиненных, многие из которых вместе с семьями сидели в том же зале. Позднее уже арестованный генерал на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 22 июля 1941 г. заявил: *«Я знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверили, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу»*³⁰. Судьи не стали уточнять, на кого именно ссылался Павлов, прекрасно понимая, что речь шла о Сталине.

Директиву наркома обороны о возможном внезапном нападении немцев в течение 22–23.6.1941 в штабе округа получили в 01.45 22 июня. Мы еще расскажем об обстоятельствах ее появления, а пока перейдем к дальнейшим событиям. В 03.30 Павлов по телеграфу сообщил командарму 4 Коробкову: *«В эту ночь ожидаются провокационные нападения немецко-фашистских войск на нашу территорию»*. И категорически предупредил, чтобы его армия не поддавалась на провокации. А заодно поставил задачу пленить прорвавшихся немцев и запретил переходить государственную границу. На вопрос Коробкова, какие же мероприятия разрешается провести, Павлов ответил: *«Все части армии привести в боевую готовность. Немедленно начинайте выдвигать из крепости 42-ю [стрелковую] дивизию для занятия подготовленных позиций. Частями Брестского укрепрайона скрытно занимайте доты. Полки авиадивизии перебазировать на полевые аэродромы»*³¹.

Но предупреждение о возможности внезапного нападения немцев безнадежно опоздало. Командиры частей и соединений самостоятельно начали поднимать своих подчиненных по боевой тревоге только после того, как те подверглись обстрелу и бомбежке. После 04.00 штаб округа стал получать донесения из армий об огневых и воздушных налетах. Из 3-й армии доложили, что немцы перешли границу на участке от Сопоткина до Августова, бомбят Гродно и ее штаб. Все телеграфные и телефонные столбы на протяжении 50 км были повалены, и проводная связь с войсками оборвалась. Пришлось перейти на радио, но две радиостанции вскоре оказались уничтожены. Во второй половине дня получила повреждения и третья радиостанция, последняя в штабе 3-й армии³².

В 05.25 Павлов, так и не дождавшись указаний сверху, на свой страх и риск отправил командармам распоряжение: *«Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому»*³³. Только тогда они в свою очередь дали сигнал на вскрытие так называемых «красных пакетов», речь о которых пойдет ниже. Получившие его командиры корпусов и дивизий старались действовать по предвоенным планам, никак не соответствовавшим сложившейся обстановке. Но все попытки уточнения задач из-за отсутствия связи оставались тщетными. В первые же сутки военных действий штаб ЗапФ утратил контакт со своими 3-й и 10-й армиями. На следующий день прервалась телеграфная и проводная связь штаба СЗФ со штабами 8-й и 11-й армий. Управление войсками оказалось серьезно нарушенным.

²⁹ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725599с. Д. 36. Л. 294–299. Цит. по: 1941 год. Страна в огне. Кн. 2. Документы и материалы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 135.

³⁰ Ямпольский В.П. «Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М.: Кучково поле, 2008. С. 498.

³¹ Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 81.

³² Болдин И.В. Указ. соч. С. 84; ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 2; ЦА ФСБ. Архивно следственное дело № Р 24000. Л. 23–53. Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 459.

³³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 76. Цит. по: На земле Беларуси. С. 393.

После первоначального замешательства Красная армия начала оказывать врагу ожесточенное сопротивление. Однако его результаты оставляли желать много лучшего, и тому были объективные причины. За редким исключением войска не успели занять заранее подготовленные оборонительные позиции и усилить гарнизоны укрепрайонов у границы. Они вступили в бой с превосходящими силами противника в крайне невыгодных для себя условиях, на необорудованной местности, без должной артиллерийской и авиационной поддержки и прикрытия от ударов с воздуха. В такой обстановке разрозненные импровизированные попытки отразить заранее организованные и скоординированные вражеские атаки на неподготовленных рубежах успеха, как правило, не имели.

Атмосферу тех дней передает информационная записка первого секретаря Брестского обкома КП(б)Б М.Н. Тупицына, адресованная в ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Белоруссии 25 июня 1941 г.:

«Обком КП(б)Б считает, что руководство 4 Армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности:

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать или погибнуть. В таком положении оказались 6 и 42 сд в Бресте и 49 сд – в Высоковском районе.

В Брестской крепости на самой границе держали две стр. дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создавалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. <...>

В Косовском районе был расположен отдельный [120-й] полк АРГК. 22 июня, когда областное руководство переехало туда, мы застали этот полк в таком состоянии: материальная часть находилась в г. Косово, бойцы же находились в лагерях под Барановичами (в 150 км от Косово) [в действительности от Косово до Барановичей по дороге через Ивацевичи 90 км. – Авт.], а боеприпасы отсутствовали. Чтобы вывезти материальную часть в Косово, у командира полка не хватило шоферов и трактористов. Обком КП(б)Б помог мобилизовать эти кадры на месте в гражданских организациях. Но, пока сумели перебросить часть орудий, было уже поздно – они были разбиты бомбами, и по существу все ценные орудия остались у немцев [на самом деле 120-й гап б/м РГК в полном составе находился тогда не в Косово, а в лагере на полигоне Обуз Лесьна юго западнее Барановичей. – Авт.].

Много боеприпасов и оружия погибло в складах на Бронной горе (Березовский район), а в воинских частях боеприпасов и оружия не хватало. <...>

Вследствие такого состояния с первых же дней военных действий в частях 4 Армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл[адишми] командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задерживать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство. Но здесь необходимо принять более серьезные и срочные меры борьбы со стороны военного командования.

Возмутительным фактом является и то, что штаб [28-го] корпуса не установил связь с обкомом, выехал на командный пункт за город [Брест], потеряв связь с своими частями.

Таким образом, многие командиры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь спасая свои семьи, а красноармейцы бежали в беспорядке.

Обком и Горком КП(б)Б вместе с обл. управлениями НКВД и НКГБ пытались первое время навести порядок в городе [Бресте], но эффективно ничего сделать не смогли, поскольку красноармейские части в панике отступали. Поэтому, не зная обстановки, не имея связи с военным командованием, не рассчитывая на боеспособность воинских частей, мы вынуждены были оставить г. Брест.

Обком КП(б)Б считает, что необходимо принять самые срочные и решительные меры по наведению порядка в 4 Армии и укрепить руководство 4 Армии.

Секретарь Брестского обкома КП(б)Б М. Тупицын»³⁴.

Тупицын не упомянул выставку боевой техники и оружия для командного состава 4-й армии, подготовленную к открытию в Бресте утром 22 июня. Там были представлены образцы всех имевшихся в этой армии боевых, специальных и транспортных машин, артиллерии и минометов, стрелкового оружия, боеприпасов, инженерного и химического имущества с полным описанием их характеристик. Все это досталось немцам...³⁵

Хаос и незнание обстановки царили не только на западной границе. Высшее руководство в Москве тоже далеко не сразу осознало, что же, собственно, происходило, поэтому его первые распоряжения не соответствовали реальной ситуации и ставили перед войсками невыполнимые задачи. Так, в 07.15 22.06.1941 Тимошенко, Жуков и Маленков подписали директиву НКО № 2:

«22 июня 1941 г. в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и истребительной авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»³⁶.

Запрет переходить границу наземными войсками был совершенно неуместен. Очевидно, Сталин тогда еще не избавился от иллюзии, что ему удастся как то уладить крайне нежелательный для него конфликт с Германией. Между тем командующие фронтами пытались действовать в соответствии с полученной директивой, используя мехкорпуса армий прикрытия и свои резервы. Так, в 14.15 штаб ЗапФ отправил распоряжение командующему 4 й армией:

«Комвойсками приказал, прорвавшиеся части пр[отивни]ка решительно уничтожить, для чего в первую очередь используйте корпус АБОРИНА [так в документе, имелся в виду

³⁴ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 460. Л. 43–46. Цит. по: Вестник АПРФ. Война: 1941–1945. Вып. 2. М.: Историческая литература, 2015. С. 25–26.

³⁵ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 29. Л. 39–46. Цит. по: Пишу исключительно по памяти... Т. 1. С. 432.

³⁶ Там же. Ф. 113. Оп. 3272. Д. 5. Л. 1, 2. Цит по: Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М.: ОЛМАПРЕСС, 2002. С. 491–492.

командир 14-го мк С.И. Оборин. – Авт.]. В отношении задержки руководствуйтесь “красным пакетом”. Авиацию используйте совместно с мехчастями.

Обращаю исключительное внимание на поддержание связи (Радио, посты ВНОС, делегатов на самолетах).

Информируйте через каждые два часа. Ответственность за это возлагаю на Вас.

Установите связь делегатом с ГОЛУБЕВЫМ [речь шла о командующем 10 й армии К.Д. Голубеве. – Авт.] и передайте ему, чтобы он донес о положении на фронте всеми имеющимися у него средствами»³⁷.

Изначально предполагалось, что руководить войсками в военное время будет Главное командование, возглавляемое наркомом обороны маршалом Тимошенко. Но первые же часы войны показали, что в создавшихся условиях этот орган не мог эффективно управлять действующей армией. Ведь без согласования со Сталиным нарком не имел права самостоятельно решить ни одного серьезного вопроса. Необходимость каждый раз получать санкцию вождя осложняло управление войсками и зачастую приводило к запаздыванию с передачей приказов в стремительно менявшейся обстановке. Еще утром 22 июня Тимошенко и Жуков доложили об этом Сталину в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б) и предложили создать Ставку Главного Командования. Однако она была образована только на следующий день. Для выяснения ситуации и оказания помощи командующим фронтами вождь решил послать туда ответственных лиц Наркомата обороны и Генштаба и после полудня позвонил Жукову:

«– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного командования. <...>

– А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И.В. Сталин ответил:

– Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

– Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся»³⁸.

Мягко говоря, странное решение: оставить Генштаб без руководителя, да еще в столь напряженный момент... На другие фронты также отправились высокопоставленные военачальники, но самая представительная команда выехала на ЗапФ. В нее входили заместители наркома обороны маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, заместитель начальника Генштаба В.Д. Соколовский и начальник его Оперативного управления Г.К. Маландин с группой сопровождения³⁹. Вскоре к ним присоединился еще один маршал – К.Е. Ворошилов. Другой заместитель наркома обороны – генерал армии К.А. Мерецков – в последний мирный вечер убыл на СЗФ. Однако на второй день войны его отозвали в Москву, арестовали и заставили признать себя виновным в участии в военно фашистском заговоре и работе на германскую разведку. И все же Мерецкову повезло: 6 сентября 1941 г. он был освобожден и отправлен на фронт командовать армией, а закончил войну в звании маршала⁴⁰.

Но вернемся к событиям первого дня войны. В 21.15 22 июня ГВС направил Военным советам Северо Западного, Западного и ЮгоЗападного фронтов директиву № 3:

«1. Противник, нанося удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит,

³⁷ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 13.

³⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: АПН, 1985. С. 12.

³⁹ На земле Беларуси. С. 175.

⁴⁰ Черушев Н.С. Из ГУЛАГа – в бой. М.: Вече, 2006. С. 230, 238, 240, 248.

Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6 ставлю: а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки; б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин»⁴¹.

Далее в директиве фронтам ставились задачи, содержание которых никак не соответствовало сложившейся обстановке. В условиях незнания сил и намерений противника, усугубленного неразберихой начала войны, советское командование решило с ходу перехватить инициативу и перейти в контрнаступление по довоенным планам. Однако имевшихся в наличии сил далеко не хватало для осуществления намеченного, а потеря управления помешала организовать совместные действия войск, подчиненных разным инстанциям. В результате поспешно подготовленные и несогласованные по месту и времени контрудары войск Северо Западного (23–24 июня) и Западного фронтов (23–25 июня) мало сказались на действиях ударных группировок противника и привели лишь к тяжелым потерям Красной армии.

К тому же стремление любой ценой действовать активно препятствовало созданию устойчивой обороны. А без нее германские танковые клинья продолжали стремительное продвижение к Минску, отрезая основные силы ЗапФ в Белостокском выступе. Своевременно и в полной мере вскрыть этот замысел противника командованию РККА не удалось. Максимум, что допускалось – это попытка немцев замкнуть клещи в районе Барановичей. В результате окруженные в районе Белосток – Волковыск – Слоним советские войска, пытаясь вырваться из котла, понесли огромный урон. Как записано через неделю после начала войны в ЖБД германской 9 й армии «...страшная картина Дюнкерка представляет собой лишь детскую забаву в сравнении с прямо-таки ужасающими горами трупов и предметов материальной части в Беловежском лесу»⁴².

Несколько лучше обстояли дела в полосе ЮЗФ, где соотношение сил сложилось благоприятнее для Красной армии. Его командование с самого начала войны старалось остановить германское наступление наспех организованными контрударами мехкорпусов. 25–29 июня в районе Луцк – Ровно – Броды произошло крупнейшее танковое сражение начального периода войны, в ходе которого удалось лишь ненадолго притормозить продвижение вермахта. А огромные потери – только советских танков на поле боя осталось 2648 – привели к фактическому прекращению существования половины мехкорпусов этого фронта⁴³.

Москве пришлось дать распоряжение на отход и организацию обороны на западном направлении по линии рек Западная Двина и верхнее течение Днепра. Но отступление под ударами воздушного и наземного противника проходило неорганизованно, зачастую превращаясь в беспорядочное бегство. Только на пятые сутки войны, 26 июня, советское руководство, наконец, осознало, что главный удар немцы наносят именно там, в Белоруссии, а не на Украине, где его ожидали⁴⁴. Назавтра Ставка Главного Командования решила перенести основные усилия с юго западного стратегического направления на западное.

⁴¹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262. Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 439–440.

⁴² 1941 год. Страна в огне. Кн. 1. Очерки. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 351.

⁴³ 1941 год – уроки и выводы. С. 122–123.

⁴⁴ Там же. С. 104.

В связи с этим генерал М.Ф. Лукин, командующий 16 й армией, спешно перебрасываемой из Забайкалья в полосу ЮЗФ, получил приказ сосредоточить свои войска на московском направлении в районе Смоленска в резерве Главного Командования. Ему поставили задачу: *«Всеми средствами ускорьте погрузку соединений армии и переброску ее в новый район»*⁴⁵. По той же причине, начиная с 1 июля, перенацелили с Украины в Белоруссию 19 ю армию генерала И.С. Конева⁴⁶. Но осуществлять эту перегруппировку пришлось в условиях острого недостатка времени и под бомбами люфтваффе...

Между тем 28 июня германские войска заняли Минск. Связь со штабом ЗапФ прервалась. Следующим вечером встревоженный Сталин вместе с Молотовым, Маленковым, Микояном и Берия приехал в Наркомат обороны, чтобы на месте разобраться в обстановке. Вот что рассказал об этом один из них, А.И. Микоян:

«В Наркомате были Тимошенко, Жуков [отозванный Сталиным с ЮЗФ 26 июня. – Авт.], Ватутин. <...>

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. <...>

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался как баба и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. <...> Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него еще были мокрые. <...>

*Сталин был очень удручен. Когда вышли из наркомата, он такую фразу сказал: Ленин оставил нам великое наследие, а мы – его наследники – все это...»*⁴⁷

Настроение вождя можно понять, ведь масштабы разгрома поражают воображение. К 10 июля немцы продвинулись вглубь СССР на 300–600 км, разбив при этом главные силы западных фронтов – 121 дивизию из 162, причем 34 из них были полностью уничтожены⁴⁸. Красная армия понесла громадные потери, показанные в Таблице 2.

Таблица 2

Потери Красной армии на основных стратегических направлениях в начальный период Великой Отечественной войны⁴⁹

⁴⁵ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 14. Л. 522. Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5–1). Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. М.: ТЕРРА, 1996. С. 25.

⁴⁶ Там же. Д. 15. Л. 70–71. Цит. по: Там же. С. 39.

⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 187. Л. 118–126. Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 497–498.

⁴⁸ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кн. 1. М.; Тула: ГРАУ, 1977. С. 406.

⁴⁹ Кривошеев Г.Ф., Андронников В.М., Буриков П.Д. и др. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 252, 254, 256, 518.

Стратегическое направление			Северо-Западное	Западное	Юго-Западное	Всего
Период			22.06.41– 09.07.41	22.06.41– 09.07.41	22.06.41– 06.07.41	
Число суток			18	18	15	
Численность войск			498 000	627 300	864 600	1 989 900
Потери	Людские	безвозвратные*	75 202	341 073	172 323	588 598
		санитарные**	13 284	76 717	69 271	159 272
		всего	88 486	417 790	241 594	747 870
		% от перво- начальной численности	17,8 %	66,6 %	27,9 %	37,6 %
		средне- суточные	4916	23 211	16 106	44 233
	Стрел- кового оружия	всего	341 000	521 200	169 800	1 032 000
		средне- суточные	18 944	28 956	11 320	59 220
	Танков	всего	2523	4799	4381	11 703
		средне- суточные	140	267	292	699
	Орудий и мино- метов	всего	3561	9427	5806	18 794
		средне- суточные	198	524	387	1109
	Боевых самолетов	всего	990	1777	1218	3985
		средне- суточные	55	99	81	235

* убитыми, умершими, попавшими в плен и пропавшими без вести.

** ранеными, контуженными, обожженными и больными.

Для сравнения: согласно подекадным сводкам за первые 18 дней войны на Восточном фронте вермахт потерял 16 676 человек убитыми, 55 023 ранеными и 5614 пропавшими без вести. Таким образом, советские безвозвратные потери в 26,4 раза превысили германские, а общие – в 9,7 раза. К исходу третьей недели войны на западном стратегическом направлении немцы стояли у ворот Смоленска. По их подсчетам, в период с 22 июня по 10 июля 1941 г. им удалось взять в плен 366 372 человека⁵⁰. К тому же в первые дни войны были утрачены немалые запасы материальных средств, сосредоточенных на территории пограничных округов. В результате в последующих сражениях вермахту зачастую противостояли недостаточно вооруженные, наспех сформированные или пополненные слабо обученным личным составом соединения и части. К огромным потерям в людях, вооружении, боевой технике, запасах материальных средств, индустриальных мощностях и аграрных ресурсах прибавилось глубокое моральное потрясение, преодолеть которое армии да и всему народу СССР удалось далеко не сразу. Тяжелейшие последствия ошеломительного поражения в начальный период

⁵⁰ Schustereit H. Vabanque. Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch, durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Herford: Mittler & Sohn, 1988. S. 73.

войны продолжали сказываться в течение всего 1941 г. и наложили свой мрачный отпечаток на весь ее дальнейший ход.

В такой обстановке на 12 й день войны Гальдер записал в своем дневнике: «...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней»⁵¹. Но он жестоко ошибся: Красная армия не только нашла силы прийти в себя, но и в конечном итоге сумела переломить ход войны в свою пользу.

Однако дорога к Победе оказалась извилистой, долгой, трудной и кровавой. История катастрофы, постигшей СССР и его вооруженные силы летом 1941 г., до сих пор хранит множество безответных вопросов о ее причинах и виновниках. Так почему советский народ, ничего не жалевший для подготовки к войне, вдруг оказался перед реальной угрозой поражения? Почему многочисленная РККА, имевшая тогда больше танков, чем все армии мира, вместе взятые, вчистую проиграла приграничное сражение, а затем потерпела еще целый ряд сокрушительных поражений? Почему она, вопреки бодрым обещаниям государственного агитпропа, неудержимо откатывалась далеко назад, оставляя на произвол судьбы десятки миллионов своих граждан? Было ли это следствием субъективных ошибок, допущенных руководством страны? Если да, то в чем они заключались, каковы их причины, и, наконец, кто конкретно в них виновен? Или все таки такой печальный исход был предопределен какими то объективными обстоятельствами? Но как же тогда СССР, несмотря на многочисленные неудачи в первой половине войны, сумел не только оправиться от их последствий, но и в конечном итоге добиться Победы?

В среде профессиональных историков, да и простых любителей военного прошлого до сих пор не прекращаются горячие споры о причинах первоначальных неудач Красной армии. Чаще всего в числе главных из них называют внезапность нападения противника и несвоевременное приведение вооруженных сил СССР в боевую готовность, что сразу же поставило оставшиеся на положении мирного времени советские войска в тяжелейшие условия. Но встречаются утверждения, что эта самая «внезапность нападения» никакими документами, кроме «воспоминаний и размышлений» тех, кто позорно проиграл начало войны, не подтверждается. Мол, какая может быть внезапность, если все знали о скором начале войны и готовились к ней?

Красная армия того времени в численности личного состава мало уступала вермахту, а по количеству артиллерии, танков и самолетов намного превосходила его. Однако немцам за счет скрытного выдвижения и развертывания войск первого эшелона в боевые порядки к 22 июня удалось в полной мере использовать неготовность пограничных военных округов к отражению широкомасштабной агрессии. Вряд ли кто то будет отрицать, что для них германское нападение действительно оказалось неожиданным.

Вместе с тем дело было не только и не столько во внезапности. Ведь потом, в ходе первой половины войны, немцам уже не удавалось (а если и удавалось, то редко и лишь на отдельных участках) заставить красноармейцев спящими, а аэродромы забитыми незамаскированными самолетами. А они и тогда не раз ставили советские войска на грань катастрофы. Так что неудачный для СССР исход приграничных и более поздних сражений обуславливался, прежде всего, различием в подготовке противников к современной войне, иными словами – разным уровнем их умения воевать.

Но для полного объяснения случившегося одной этой причины далеко не достаточно. Результаты приграничного сражения можно понять, только рассмотрев обстановку, сложившуюся вокруг Советского Союза в предвоенные годы. Ведь события, предшествовавшие Великой Отечественной войне, не могли не сказаться на ее завязке. Именно в результате их развития возникли начальные условия для первого столкновения вермахта с Красной армией, во многом предопределившие его исход. В этой связи очень важно выяснить, кто, когда и почему при-

⁵¹ Гальдер Ф. Военный дневник, 1941–1942. С. 77.

нял то или иное решение по строительству вооруженных сил страны, и разобраться, насколько эффективными они оказались. А затем осмыслить, что за эти годы осуществилось, и чего не успели. Внутреннюю логику тех событий невозможно уяснить, не рассмотрев истории развития вооруженных сил Германии и СССР и изменений их структуры. По той же причине необходимо изучить особенности оперативного планирования и боевой подготовки обеих сторон. И в довершение ко всему, только оценив реальную мобилизационную и боевую готовность РККА к войне и сравнив ее по этим показателям с вермахтом, можно сделать обоснованные выводы о действительных причинах поражений советских войск.

Официальная советская история тех трагических дней, полная недомолвок, мифов и откровенной лжи, никогда не устраивала людей, возложивших на алтарь Победы неисчислимые жертвы. Легенду о подавляющем количественном превосходстве немцев в танках и самолетах Сталин придумал для самооправдания. Она давно уже опровергнута многочисленными архивными документами и свидетельствами очевидцев былых сражений. Пора, наконец, понять, почему победный марш на Берлин начался от стен Москвы и пролег через Сталинград и Кавказ. Этому и посвящена данная книга.

Глава 1

Подготовка Германии к реваншу

1.1. Создание рейхсвера

Сразу же после Первой мировой войны страны победители постарались сделать все возможное, чтобы некогда грозная, но в конце концов поверженная в результате их объединенных усилий германская армия больше никогда не сумела бы возродиться в качестве инструмента агрессии. Для этого в условиях Версальского мирного договора они предусмотрели целый комплекс мероприятий. Так, с 31 марта 1920 г. размер сухопутных сил Германии, получивших новое название – рейхсвер, ограничивался десятью дивизиями (семью пехотными и тремя кавалерийскими) и двумя штабами армейских корпусов, а их общая численность – 100 тыс. человек. Организационная структура каждого типа дивизий и штаты всех частей и подразделений были детально расписаны, а в приложениях к договору перечислялось максимальное количество разрешенного немцам вооружения: 84 тыс. винтовок, 18 тыс. карабинов (для кавалеристов), 792 станковых и 1134 ручных пулемета, 63 средних и 189 легких траншейных минометов, 204 77 мм пушки и 84 105 мм гаубицы⁵².

Таким образом, один пулемет приходился на полсотни военнослужащих, а одно полевое орудие – на 350. Совсем не густо для регулярной армии, ведь еще со времен Наполеона считалось, что на каждую тысячу солдат положено иметь 4–6 орудий. Рейхсвер не дотягивал даже до этой старинной нормы, не говоря уже о том, что все позволенные немцам пушки и гаубицы относились к легким, а иметь противотанковую, зенитную и тяжелую артиллерию им запретили. Даже количество боеприпасов не могло превышать установленные союзниками скудные пределы. В числе других мер принуждения Германию лишили наиболее эффективных и современных средств вооруженной борьбы: боевой авиации, танков, химического оружия и подводных лодок. Ее немилосердно ограниченная и по численности, и по оснащению армия была неспособна вести сколько нибудь масштабную войну с серьезным противником. В лучшем случае она могла поддерживать порядок внутри страны и обеспечивать пограничную охрану. Собственно, именно к этому и стремились победители.

Составители Версальского договора позаботились и о том, чтобы на базе рейхсвера было невозможно быстро развернуть многомиллионную армию. С этой целью в Германии отменялась всеобщая воинская повинность, а ее вооруженные силы становились чисто профессиональными. Для солдат устанавливался минимальный 12 летний срок службы, а для офицеров – 25 летний. Запрещалась служба граждан Германии в армиях других стран, за исключением французского Иностранного легиона, и даже отправка военных делегаций за границу. Таким образом, у немцев отняли возможность готовить сколько нибудь значительные людские резервы для будущей мобилизации. Не менее болезненными мерами для потенциальных реваншистов было установление предельного числа германских офицеров – всего навсего 4 тыс. человек – и запрет на воссоздание распущенного Генерального штаба и его Военной академии. Эти ограничения оставляли страну без многочисленных профессиональных командирских кадров, способных в случае необходимости быстро обучить, организовать и возглавить массы новобранцев.

Внешнеполитические позиции Германии после проигранной Первой мировой войны тоже резко ухудшились. Она потеряла своего прежнего военного союзника после того, как

⁵² Версальский мирный договор. М.: Литиздат НКВД, 1925. С. 63–64, 71.

Австро Венгерская империя распалась на несколько независимых государств. При этом Австрия превратилась в небольшую и сравнительно слабую страну, а основная военная промышленность бывшей великой державы оказалась в Чехословакии, население которой из за старых обид относилось к немцам далеко не лучшим образом. К Чехословакии отошла и Судетская область, населенная преимущественно немцами, что сразу же создало почву для раздоров между ней и Германией. А на востоке Европы возникло новое независимое государство – Польша. Ей достались некоторые бывшие германские территории, и потому она изначально стала недругом для Германии и естественным союзником Великобритании и Франции. Таким образом, немцы оказались во враждебном окружении и в случае вступления в общеевропейскую войну были бы вынуждены с самого начала вести ее на два фронта. Бисмарк в свое время предостерегал их от такого невыгодного расклада, а печальный исход Первой мировой войны убедительнейшим образом подтвердил его правоту.

На первый взгляд Версальская система лишила Германию всех надежд на возрождение там духа милитаризма и заранее гарантировала провал любых ее возможных попыток силой пересмотреть итоги Первой мировой войны. Но немало немцев имели иное мнение на этот счет. К их числу принадлежал Ганс фон Сект – главнокомандующий рейхсвером с 1920 до 1926 г., не только боевой генерал и прекрасный организатор, но и на редкость умный, разносторонне образованный и дальновидный человек. Ему удалось заложить основы стратегии и тактики будущей войны и создать пусть небольшой, но высокопрофессиональный рейхсвер, который впоследствии оказалось возможным быстро развернуть в многомиллионный вермахт. Ростки посеянных им семян буйно взошли на полях сражений Второй мировой войны.

Ганс фон Сект

Сект сумел обнаружить в глухом заборе Версальских ограничений крохотную, но очень важную лазейку: там не лимитировалось число германских унтер офицеров. Он использовал ее в полной мере и превратил сухопутные силы Германии в «армию командиров», ставшую надежной базой для их будущего стремительного роста. В 100 тысячном рейхсвере служили всего 4 тыс. офицеров и 36,5 тыс. рядовых, но при этом – 59,5 тыс. унтер офицеров⁵³.

В распоряжении Секта оказались кадры, отборные во всех смыслах этого слова. В ходе Первой мировой войны в Германии образовался огромный контингент людей с обширным боевым опытом. Послевоенный развал экономики и связанная с ним массовая безработица заставила многих из них попытаться завербоваться в армию, гарантировавшую сравнительно высокий, а главное – стабильный заработок и неплохие бытовые условия. Из 200 тыс. бывших офицеров кайзеровской армии в рейхсвер были отобраны только 3 тыс. наиболее способных и перспективных. Оставшуюся тысячу офицерских вакансий заполнили отличившиеся в боях унтер офицеры, пропущенные через соответствующие курсы⁵⁴.

Престиж военной службы в Германии неизменно оставался весьма высоким. Даже во вполне благополучном для экономики страны 1928 г. на каждую солдатскую или унтер офи-

⁵³ Corum J.S. The Roots of Blitzkrieg. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1992. P. 47.

⁵⁴ Van Creveld M.L. Fighting Power. German and U.S. Army Performance, 1939–1945. Westport, CT: Greenwood Press, 1982. P. 133.

церскую вакансию приходилось 15 претендентов⁵⁵. В результате тщательного и придирчивого отбора военными становились лучшие из лучших. Должности командиров взводов в рейхсвере в основном занимали не офицеры, а фельдфебели, отлично для этого подготовленные. Когда началась ремилитаризация Германии, многие из унтер офицеров получили офицерские звания.

Сект сделал все, чтобы сохранить мозг германской армии – ее Генеральный штаб, запрещенный Версальским договором. С этой целью он передал некоторые отделы Генштаба в другие армейские структуры, а его ядро переименовал в Войсковое управление (Truppenamt). А сам был его начальником, оставаясь при этом главнокомандующим рейхсвером. Главной задачей свежееиспеченной организации стала разработка стратегии и тактики будущих сражений на основе анализа недавних боевых действий и передовых идей Секта.

Страны, выигравшие минувшую войну, уделяли недостаточно внимания осмысливанию ее опыта и разработке новых методов и средств борьбы. Они не видели в этом особой необходимости, ведь их победа убедительно доказала правильность и эффективность использованных ими стратегии и тактики. В отличие от них, Сект и другие германские военные теоретики настойчиво пытались понять причины своего поражения и найти действенные рецепты успехов в грядущих битвах. Для изучения опыта недавней войны в Германии первоначально было задействовано более 400 офицеров, или свыше 10 % всего офицерского корпуса, а к середине 20 х гг. их число перевалило за 500⁵⁶. Наряду со свежей военной доктриной разрабатывались новые штаты подразделений, частей и соединений будущей германской армии, откровенно игнорировавшие Версальские ограничения. Их потенциальная востребованность не вызвала сомнений ни у кого в рейхсвере.

Одним из решающих инструментов для достижения победы Сект избрал высокую подвижность войск. По его мнению, небольшая, но высококомобильная, хорошо обученная и оснащенная армия могла быстро разгромить гораздо более многочисленного, но инертного и неповоротливого противника⁵⁷. В 1921 г. он написал в меморандуме «Основные соображения по перестройке наших вооруженных сил»: «...спасение слабого больше, чем когда бы то ни было, заключается не в жесткой обороне, а в мобильной атаке»⁵⁸.

Очевидная слабость рейхсвера, уступавшего своим вероятным противникам в численности и вооружении, должна была компенсироваться маневренностью, основанной на моторизации войск и готовности к будущему оснащению их танками. В ходе Первой мировой войны немцы слишком поздно оценили громадный потенциал танковых войск, да и ресурсов им тогда остро не хватало. Поэтому до ее окончания они успели изготовить всего навсего 20 танков. Для сравнения, Великобритания к тому времени произвела 2636 танков, а Франция – 3870⁵⁹. Сект разглядел большое будущее у танковых и моторизованных частей и начал отрабатывать их тактику на учениях, заменяя отсутствовавшие на вооружении рейхсвера танки их макетами.

⁵⁵ Corum J.S. Op. cit. P. 70.

⁵⁶ Ibid. P. 38.

⁵⁷ Citino R.M. Armored Forces: History and Sourcebook. Westport, CT: Greenwood Press, 1994. P. 50–51.

⁵⁸ Schneider W. Panzertaktik. German Small Unit Armor Tactics. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, Inc., 2000. P. 3–4.

⁵⁹ Ogorkiewicz R.M. Design and Development of Fighting Vehicles. N. Y.: Doubleday, 1968. P. 28.

Солдаты рейхсвера тренируются с макетами танков в 1925 г.

Вовремя осознав важность и необходимость поддержки танкистов с воздуха, Сект самое пристальное внимание уделял авиации. Он сохранил на службе в рейхсвере 180 офицеров из 4,5 тыс. человек летного состава, служивших во фронтовых авиачастях кайзеровской армии в конце Первой мировой войны⁶⁰. И это несмотря на то, что самолетов для них тогда даже не предвиделось. Однако Сект твердо намеревался сберечь в Германии фундамент для будущего возрождения полноценных ВВС и добился своего. В рейхсвере всесторонне изучалась как тактика боевой авиации, так и методы борьбы с ней. Этим темам посвящались не только теоретические занятия, но и практические учения. Сект настоял на правительственном субсидировании германской гражданской авиации и планеризма как важного подспорья для воссоздания ВВС, когда для них придет время. В своем меморандуме в 1923 г. он выступал за то, чтобы будущая боевая авиация Германии стала самостоятельным видом вооруженных сил⁶¹.

Германское командование прекрасно осознавало насущную необходимость повышения уровня знаний солдат и тем более командиров. Ведь иначе невозможно в короткие сроки овладеть новыми сложными видами боевой техники. Поэтому в рейхсвере поддерживались чрезвычайно высокие стандарты образования, и прежде всего технического, для всех без исключения офицеров и унтер офицеров. Необычно жесткими были требования к физическим кондициям военнослужащих. Не случайно командующий войсками Северо Кавказского военного округа И.П. Белов после первых полутора месяцев учебы в Германии написал Ворошилову 7 октября 1930 г.: «Физическая выносливость немецкого рейхсвера исключительная. Занимаются спортом все, от солдата до генерала»⁶². Но основное внимание там уделялось профессиональным качествам личного состава, причем не только индивидуальным. Тщательно отработывалась и

⁶⁰ Corum J.S. Op. cit. P. 147.

⁶¹ Подлинная история люфтваффе. Взлет и падение детища Геринга. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 10.

⁶² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 430. Л. 38.

доводилась до совершенства сколоченность подразделений, частей и соединений, их взаимодействие между собой и с другими родами войск.

Важнейшей особенностью подготовки офицеров и унтер офицеров рейхсвера было воспитание в них максимальной самостоятельности. Командир получал от вышестоящего начальника задачу только в самом общем виде и должен был сам найти и осуществить ее наилучшее решение. В большинстве других армий мира от командиров требовалось, прежде всего, беспрекословное выполнение подробных приказов сверху. Но даже самые продуманные военные планы редко претворяются в жизнь без сучка и задоринки, по ходу дела их приходится корректировать, и не раз. И тут в полной мере проявлялись преимущества германского метода подготовки командных кадров, вырабатывавшего в людях инициативу, самостоятельность и стремление брать на себя ответственность как в принятии решений, так и в их реализации. Воспитанные в таком духе командиры в большинстве случаев побеждали бездумных исполнителей чужих указаний.

Таким образом, немцы постарались компенсировать недостаточную численность своей армии высочайшим качеством подготовки ее личного состава. Но его требовалось как следует вооружить. Если не тогда, когда это строго запрещалось, то позже, когда наступит час сбросить ненавистные оковы Версаля. А в описываемое время они не давали Германии возможность разрабатывать и производить большинство видов современной боевой техники. Импорт и экспорт оружия и армейского снаряжения тоже был запрещен. Военное производство оставалось возможным в строго ограниченном объеме и только на предприятиях, контролируемых представителями Антанты. Но даже в таких удручающих условиях Сект не мог позволить своей армии безнадежно отстать от потенциальных противников в материальной части. Под его руководством немцы сделали все возможное, чтобы этого не произошло, целенаправленно и умело обходя Версальские ограничения.

Для начала они постарались перенести за рубеж ту часть своего военного производства, которая запрещалась Германии странами победительницами. Так, фирма «Junkers» создала свои филиалы в Швеции, Турции и СССР, «Fokker» – в Голландии, «Rohrbach» – в Дании, а «Dornier» – в Швейцарии и Италии. Концерн «Krupp» приобрел частичный контроль над известной шведской оружейной фирмой «Bofors». В ее конструкторских бюро германские специалисты участвовали в разработке новейших артиллерийских систем, в том числе и для рейхсвера. Именно оттуда растут корни германского 88 мм зенитного орудия, широко и успешно применявшегося на всех фронтах Второй мировой войны против воздушных и наземных целей. Еще одним партнером «Krupp» в Швеции стала компания «Landsverk», производившая бронетанковую технику. В начале 30 х гг. немцы начали там отрабатывать торсионную подвеску, которой в годы Второй мировой войны оснащались многие их танки. Корпорация «Rheinmetall» приобрела контрольный пакет акций швейцарской компании «Solothurn», и вместо традиционных часов швейцарцы стали производить пулеметы, автоматы и противотанковые ружья.

Фирмы «AG Vulcan», «Germaniawerft» и «AG Weser» совместно создали конструкторское бюро «Ingenieurskantoor voor Scheepsbouw» (IvS), разрабатывавшее новые типы подводных лодок по иностранным заказам, и зарегистрировали его в Голландии. Для повышения конкурентоспособности оно получало денежные субсидии из тайного фонда рейхсвера. На базе разработанных в IvS проектов, в числе которых были и советские подводные лодки типа «С», немцы создали свои наиболее многочисленные и успешные во время Второй мировой войны субмарины VII серии.

Кроме того, известные всему миру своей высокой квалификацией германские инженеры и техники устраивались на работу в другие страны. Так, целое конструкторское бюро под руководством Эдуарда Гроте в период с конца 1929 до августа 1931 г. спроектировало в Ленинграде средний танк ТГ (аббревиатура «танк Гроте»). Работая за рубежом, германские специалисты

по разработке и производству боевой техники сумели не только сохранить, но и преумножить свое профессиональное мастерство. Оно как нельзя лучше пригодились им после начала ремилитаризации Германии нацистами.

Все вышеописанное делалось вполне законно, помимо тайных субсидий, разумеется. Но немцы не брезговали и нелегальными путями, чтобы иметь возможность обучить рейхсвер практическому владению запрещенными видами оружия и выработать тактические приемы его использования. Все это было неосуществимо в самой Германии, поэтому ее руководство начало искать зарубежные полигоны, расположенные подальше от бдительных глаз инспекторов Антанты, надзиравших за соблюдением условий Версальского договора.

1.2. Секретные германские военные школы в СССР

16 апреля 1922 г. в итальянском курортном городке Рапалло представители РСФСР и Германии заключили договор, значение которого для обеих стран трудно переоценить. Он открыл возможность взаимовыгодного партнерства между рейхсвером и Красной армией. Немцы получили шанс создать на советской территории тайные школы и полигоны, чтобы проводить там обучение личного состава и испытания боевой техники, запрещенной им Версальским договором. А Красная армия могла перенимать передовой заграничный опыт и с помощью высококвалифицированных германских преподавателей готовить свои собственные кадры. К тому же тесные контакты с рейхсвером дали РККА уникальную возможность близко ознакомиться с современной западной армией. Командовавший тогда МВО И.П. Уборевич откровенно признался Сталину в январе 1929 г.: «...немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучить достижения в военном деле за границей»⁶³. Понятно, почему советское руководство ухватилось за эту перспективу обеими руками.

15 апреля 1925 г. в Москве был подписан протокол советско германского соглашения об организации секретной авиационной школы в Липецке⁶⁴. За годы ее работы там прошли обучение или переподготовку более 120 германских военных пилотов и около 100 летнабов. Еще примерно 220–230 летчиков (истребителей и наблюдателей) на базе уникального липецкого опыта подготовили в Германии. Таким образом, благодаря Липецкой авиашколе, к 1933 г. немцы получили около 450 летчиков⁶⁵. Среди наиболее известных ее выпускников можно вспомнить генерал-фельдмаршала Хуго Шперле и генерал-полковников Ганса Ешоннека и Отто Десслоха. Кроме них, генералами люфтваффе стали 35 выпускников и 7 сотрудников Липецкой авиашколы⁶⁶.

Кадры в Липецке ковались не только для люфтваффе. Под руководством германских инструкторов авиашколу окончили почти столько же советских летчиков и авиамехаников. Но если для связанных с ней немцев она стала важной ступенькой карьерного роста, то для некоторых их советских коллег превратилась в камень преткновения. В 1929 г. ОГПУ провела операцию «Летчики», арестовав 19 граждан СССР, связанных с секретной школой, как агентов германской военной разведки. И это было только началом репрессий среди липецких авиаторов: в 1937 г. по тому же ложному обвинению было арестовано 8, а в 1941 г. – еще 39 из них⁶⁷.

Наряду с выполнением учебной программы в школе активно работали с материальной частью. В 1928–1931 гг. там прошли испытания около 20 типов германских боевых самолетов – истребителей, бомбардировщиков и разведчиков. Кроме них, испытывались авиационные приборы и вооружение, прицелы, фотопулеметы, бортовая фото и радиоаппаратура, бомбы и т. п.⁶⁸ Помимо того, в Липецке разрабатывалась и шлифовалась тактика применения боевых самолетов, совершенствовались способы бомбометания, в том числе с больших высот и с пикирования.

⁶³ Там же. Д. 429. Л. 47.

⁶⁴ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 4–11. Цит. по: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М.: Советская Россия, 1992. С. 162.

⁶⁵ Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2001. С. 219.

⁶⁶ Соболев Д.А., Тихонов Ю.Н. Секретная авиашкола. Немецкий учебный и испытательный авиационный центр в СССР, 1925–1933 гг. М.: РУСАВИА, 2008. С. 137–152.

⁶⁷ Капистка В.В. «Липецкая школа ... дала хорошие результаты для рейхсвера» // ВИЖ. № 12. 2003. С. 28–30; Соболев Д. А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М.: РУСАВИА, 2000. С. 126.

⁶⁸ Соболев Д. А., Хазанов Д.Б. Указ. соч. С. 119–122.

Договор о создании секретной танковой школы под Казанью под кодовым наименованием «Кама» был заключен в Москве 2 октября 1926 г.⁶⁹ Она начала функционировать в первой половине 1929 г. и обучила в общей сложности 30 германских и 65 советских курсантов⁷⁰. Еще более 20 офицеров рейхсвера работали там преподавателями и испытателями. Из германских выпускников школы 17 стали генералами, а один из ее начальников, Йозеф Харпе, дослужился до звания генералполковника и командовал группой армий. А окончившие ее советские курсанты были практически поголовно репрессированы в недоброй памяти 1937–1938 гг. Вместе с ними пострадали даже работавшие там сантехники, уборщики и официантки...⁷¹

Широко распространенные слухи о том, что в «Каме» обучался Гейнц Гудериан, не соответствуют действительности, он лишь проинспектировал ее⁷². Но и без Гудериана школа сыграла важнейшую роль в становлении германских танковых войск. Достаточно сказать, что ее выпускники составили половину офицерского состава первой учебной танковой части рейхсвера в Цоссене. Еще один из них – Эрнст Фолькхайм – с 1937 по 1939 г. отвечал за разработку тактических наставлений для германских танкистов⁷³. Не менее важно, что бывшие преподаватели «Камы» и многие из ее выпускников возглавили обучение танкистов в военных школах Германии.

Для обеспечения учебного процесса в «Каме» СССР предоставлял не только место для размещения, но и материальную часть. Наряду с германской техникой там использовались приобретенные в Великобритании танкетки «Vickers Carden Loyd» Mark VI. Их выделила советская сторона в обмен на германское вспомогательное оборудование для Красной армии. А 21 апреля 1930 г. по приказу наркома по военным и морским делам Ворошилова 3 й тп, дислоцировавшийся в Казани неподалеку от танковой школы, передал ей пять танков МС 1⁷⁴.

Помимо учебы, на школьном полигоне прошли практическую проверку первые десять германских танков пяти различных типов, сконструированных в 20 е гг. Их было невозможно испытывать в Германии, поэтому для оценки и последующего совершенствования новейшей боевой техники в Казань командировались ведущие германские инженеры и техники, в том числе главный конструктор танков фирмы «Krupp» Эрих Вельферт. По итогам испытаний немцы сделали очень важные выводы и претворили их в жизнь в серийной продукции. В результате германские танки накануне и в начале Второй мировой войны заметно превосходили боевые машины своих противников в рациональной компоновке рабочих мест танкистов, оптимальном распределении их функциональных обязанностей и полной обеспеченности радиосвязью. Важность и необходимость всего этого немцы осознали и должным образом оценили в результате испытаний своих первых танков на полигоне «Камы»⁷⁵.

Еще одним секретным объектом стала химическая школа «Томка», размещенная неподалеку от г. Вольска Саратовской области. Договор о ней подписали 21 августа 1926 г.⁷⁶ Там проводились испытания новых приборов и методов применения отравляющих веществ с помощью артиллерии, боевых машин и авиации, а также новых средств и способов дегазации. К счастью, сотрудникам и выпускникам этой школы не довелось продемонстрировать свое умение вести химическую войну на практике. Благодаря этому уцелело немало людей, ведь работу

⁶⁹ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 58–64. Цит. по: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. С. 177.

⁷⁰ Горлов С.А. Указ. соч. С. 134, 221.

⁷¹ Johnson I. The Soviet German Armored Warfare Facility at Kama, 1926–1933 // *Global War Studies*. Vol. 14 (1), 2017. P. 23, 42–43.

⁷² Горлов С.А. Указ. соч. С. 221.

⁷³ Corum J.S. Op. cit. P. 127.

⁷⁴ Кантор Ю.З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930 е годы. СПб.: Питер, 2009. С. 91–93.

⁷⁵ Jentz T.L. *Panzer Tracts* No. 3–1. *Panzerkampfwagen III. Ausf. A, B, C, und D*. Boyds, MD: *Panzer Tracts*, 2006. P. 17–18.

⁷⁶ Горлов С.А. Указ. соч. С. 135.

именно этой школы советские технические специалисты считали наиболее «ценной и полезной для РККА»⁷⁷.

Обе стороны старательно поддерживали высокую секретность во всем, связанном с функционированием школ. Курсанты, направленные туда для обучения из Германии, временно исключались из списков рейхсвера и восстанавливались там только после своего возвращения. В СССР они приезжали в гражданской одежде с паспортами на чужое имя. Им категорически запрещалось рассказывать что бы то ни было о своей учебе в советских школах. Гробы с германскими пилотами, погибшими в Липецке в результате несчастных случаев, отправляли для похорон на родину через Штеттинский порт заколоченными в ящики с надписью «Детали машин»⁷⁸.

Немцы очень высоко дорожили полученными возможностями тайно обходить ограничения Версальского договора. Так, 1 августа 1928 г. министр обороны Веймарской республики генерал лейтенант Вильгельм Гренер в беседе с послом этой страны в Москве Ульрихом фон Брокдорф Ранцау подчеркнул, что потеря возможности подготовки офицеров на территории Советского Союза была бы равнозначна выдаче Германии на милость Польши⁷⁹.

Строительство, организация и функционирование всех трех школ требовали больших издержек. В 1928 г. на эти цели были израсходованы 5,7 млн марок, или около 8 % из всех германских затрат на вооружение. Только на авиашколу немцы ежегодно выделяли 2 млн марок, а за все годы существования она обошлась Германии в 20 млн марок⁸⁰. На тайные школы не жалели денег даже в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Правда, из-за возникших финансовых трудностей ассигнования тогда несколько уменьшились, но продолжали оставаться весьма существенными. Так, в 1929 г. германские затраты на школу «Кама» составили 1,5 млн марок, а на «Томку» – 780 тыс. В следующем году немцам пришлось еще больше урезать бюджет «Камы», доведя его до 1,24 млн марок⁸¹.

Значение, придаваемое секретным школам, наглядно характеризует высокий уровень инспектировавших их руководителей. Среди них были два главнокомандующих рейхсвером: Вернер фон Бломберг и Курт фон Хаммерштейн Экворд. Школы закрылись во второй половине 1933 г. после прихода к власти Гитлера, больше не считавшего нужным скрывать нарушения Версальского договора. Да и средства на их оплату уходили немалые. Советская сторона тоже полагала, что германские школы уже исчерпали свою практическую ценность, так что желание прекратить их работу было обоюдным. Уходя, немцы не хлопнули дверью. Наоборот, в их прощальном письме Ворошилову от 22.07.1933 по случаю закрытия Липецкой авиашколы говорилось:

*«Командующий Рейхсвером от имени Рейхсвера выражает особую благодарность Красной Армии и Красному Воздушному Флоту за многолетнее гостеприимство в Липецке»*⁸².

⁷⁷ ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 375. Л. 110–111. Цит. по: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. С. 200.

⁷⁸ Горлов С.А. Указ. соч. С. 131.

⁷⁹ Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии. 1920–1933 гг. // Новая и новейшая история, № 5. 1990. С. 16.

⁸⁰ Кантор Ю.З. Указ. соч. С. 79, 92.

⁸¹ Горлов С.А. Указ. соч. С. 220, 226.

⁸² АП РФ. Ф. 3 Оп. 64. Д. 661. Л. 175–179. Цит. по: Вестник АПРФ. СССР – Германия: 1932–1941. М.: Историческая литература, 2019. С. 43.

1.3. Сотрудничество рейхсвера и Красной армии

В ответ на разрешение организовать и использовать в СССР тайные школы немцы предоставили советским командирам возможность обучения в своей академии Генштаба, где бережно сохранялись и приумножались традиции кайзеровской военной академии. Туда и офицерам рейхсвера попасть было очень нелегко, ведь на каждое место претендовали не менее 8–10 кандидатов. Но поступить – еще не значит окончить, отсев в процессе напряженной учебы был высоким. Дойти до последнего курса удавалось в среднем 10 офицерам из 30, ежегодно принимаемых в академию. На этом курсе в Берлине шла интенсивная академическая подготовка, а основными изучаемыми предметами были корпусные и армейские операции, взаимодействие видов и родов войск, а также иностранные армии⁸³. После успешного завершения полной программы академии дальнейшая военная карьера ее выпускников была обеспечена. Вот в эту святая святых элиты германского офицерства и принимали на обучение слушателей из СССР, начиная с 1926 г., по 2–5 человек в год.

Первыми туда отправились преподаватели военной академии имени Фрунзе М.С. Свечников и С.Н. Красильников. В ноябре следующего года за ними последовали И.П. Уборевич, Э.Ф. Аппога и Р.П. Эйдеман. Если двое последних пробыли там только 3,5 месяца, то Уборевич обучался больше года⁸⁴. Сталин лично напутствовал его перед отъездом в Германию 4 ноября 1927 г.⁸⁵ Среди занимавшихся в германской академии Генштаба красных командиров были Э.Я. Админ, И.П. Белов, М.Н. Драйер, И.Н. Дубовой, П.Е. Дыбенко, А.И. Егоров, Ж.Ф. Зонберг, Н.И. Лацис, М.К. Левандовский, Э.Д. Лепин, Р.В. Лонгва, В.М. Примаков, В.А. Степанов, С.П. Урицкий, И.Э. Якир и другие⁸⁶. Но далеко не все из них прошли полный последний курс академии, некоторые обучались там только полгода или даже меньше, и не на последнем курсе.

Отметим, что они ездили в Германию не только в роли учеников. Так, Якир без отрыва от собственных занятий в германской академии Генштаба прочитал там курс лекций по истории Гражданской войны в России. Его выступления произвели такое сильное впечатление на слушателей, что сам президент Германии, знаменитый полководец времен Первой мировой войны фельдмаршал Пауль фон Гинденбург вручил ему классический труд Альфреда фон Шлиффена «Канны» с дарственной надписью: «*На память господину Якиру – одному из талантливых военачальников современности*»⁸⁷. Однако главным занятием краскомов в Германии в то время, конечно, была учеба, причем не только в академии. Только в период с 1925 до сентября 1931 г. обучение на различных германских курсах и школах прошли 156 советских военно-служащих⁸⁸.

⁸³ Corum J.S. Op. cit. P. 89–91.

⁸⁴ Горлов С.А. Указ. соч. С. 232.

⁸⁵ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М.: Новый хронограф, 2008. С. 26.

⁸⁶ Горлов С.А. Указ. соч. С. 234–235.

⁸⁷ Минаков С.Т. Военная элита 20–30 х годов XX века. М.: Русское слово, 2004. С. 414.

⁸⁸ Горлов С.А. Указ. соч. С. 247.

И.Э. Якир

Германские специалисты участвовали в обучении командных кадров и в советских учебных заведениях. Например, в период с 1930 по 1933 г. военную историю в Военной академии имени Фрунзе преподавал майор Фридрих Паулюс, будущий фельдмаршал. Вместе с ним работали майоры Курт Бреннеке и Георг Ханс Рейнгардт, тоже направленные в СССР в качестве военных советников по распоряжению военного министерства Германии. Занятия по тактике там же вели подполковник Вильгельм Кейтель и майор Вальтер Модель, впоследствии дослужившиеся в вермахте до звания фельдмаршала⁸⁹.

В августе 1927 г. восемь командиров РККА приняли участие в маневрах рейхсвера в Германии. Это происходило в рамках ежегодных взаимных визитов наблюдателей на маневры, тактические занятия и штабные учения обеих армий, начавшихся 3 4 годами ранее⁹⁰. Как правило, в рейхсвере к ним в полном составе привлекались дивизии и корпуса, отрабатывавшие тактику маневренных боевых действий и способы взаимодействия различных родов войск. Они учились наступать максимально быстро, не заботясь о сохранении сплошного фронта и не оглядываясь на фланги. Учения, в том числе и командно штабные, были прекрасной школой для любого командира. Благодаря особому вниманию, уделяемому в германской армии этому важнейшему виду боевой подготовки, типичный германский капитан или майор в начале Второй мировой войны имел больший опыт участия в широкомасштабных маневрах, чем среднестатистический британский или французский генерал⁹¹.

⁸⁹ Там же. С. 244.

⁹⁰ Ахтамзян А.А. Указ. соч. С. 15–17.

⁹¹ Corum J.S. Op. cit. P. 205.

Президент Веймарской республики Пауль фон Гинденбург приветствует делегацию РККА на маневрах рейхсвера в 1932 г. Третий слева – М.Н. Тухачевский

В ходе своей учебы в Германии в апреле 1928 г. Уборевич принял участие в штабных учениях под руководством будущего главнокомандующего рейхсвером Бломберга. Их темой были совместные военные действия рейхсвера и РККА против союзных армий Франции и Польши⁹². Такой сценарий появился совсем не случайно. Сект был последовательным сторонником развития тесных контактов с Красной армией не только ради использования школ и полигонов в СССР. Он считал советскую страну естественным партнером Германии, имевшим с ней общие цели, поэтому написал: «Разрыв версальского диктата может быть достигнут только тесным контактом с сильной Россией. Нравится нам коммунистическая Россия или нет – не играет никакой роли. Что нам нужно – это сильная Россия с широкими границами – на нашей стороне. Итак, никаких Польши и Литвы между нами... И мы получим наши восточные границы по 1914 г. Для Германии важно посредством Советской России развязать пути Антанты»⁹³. Сект также надеялся использовать созданную с помощью германских специалистов советскую военную промышленность в качестве «источника вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой»⁹⁴. В частности, она могла бы снабжать рейхсвер боеприпасами⁹⁵.

Кроме того, он рассчитывал на русских, как на потенциальных союзников немцев в борьбе против ненавистных им поляков. Ведь Польша не только угрожала тылу Германии в случае ее конфликта с Францией, но и была краеугольным камнем «санитарного кордона» вокруг СССР, созданного творцами Версальской системы. Свое отношение к этой стране Сект

⁹² Горлов С.А. Указ. соч. С. 233.

⁹³ Кантор Ю.З. Указ. соч. С. 8.

⁹⁴ Горлов С.А. Указ. соч. С. 49.

⁹⁵ Ахтамзян А.А. Указ. соч. С. 6.

недвусмысленно сформулировал в меморандуме на имя рейхсканцлера Йозефа Вирта от 11 сентября 1922 г.: *«Существование Польши – невыносимо, несовместимо с условиями существования Германии. Она должна исчезнуть и исчезнет благодаря ее собственным, внутренним слабостям и благодаря России – с нашей помощью. Польша для России еще более невыносима, чем для нас; никакая Россия не примирится с Польшей. Вместе с Польшей падет один из самых важных столпов Версальского мира – господствующее положение Франции. Одним из наиболее постоянных направлений немецкой политики должно стать достижение этой цели, ибо она достижима. Достижима только благодаря России или с ее помощью»*⁹⁶.

А в январе 1925 г. Сект в частной беседе изложил советскому полпреду в Берлине Н.Н. Крестинскому основные причины, по которым он считал необходимым сотрудничать с СССР: *«Единственная страна, на которую Германия может опереться в деле своего военного возрождения, это Россия. <...> Германия не может существовать при нынешних восточных границах, особенно при наличии Польского коридора. <...> Цель Германии на востоке – это восстановление германской границы 1914 г. и... <...> общей границы между Германией и Россией. <...> Но путь к этому один – с помощью России увеличивать военную мощь Германии»*⁹⁷.

Антипольское настроение Секта встретило полное понимание и поддержку в Москве, ведь вражда между поляками и русскими, также как и немцами, имела многовековые корни. К тому же по Версальскому договору к Польше отошли земли, которые Германия продолжала считать своими. В свою очередь, Советский Союз тоже имел территориальные претензии к Польше, поэтому альянс обеих этих стран против поляков базировался на прочной общей основе. Важной областью сотрудничества между рейхсвером и Красной армией стал обмен разведывательной информацией, и прежде всего – о польской армии, начиная с января 1923 г. В следующем году произошли первые контакты представителей военных разведок СССР и Германии. В дальнейшем они еще не раз делились сведениями о численности, составе, организации и мобилизационной готовности Войска Польского. Да и не только его, объектами взаимного интереса стали армии и других советских соседей: Румынии, Турции и Чехословакии⁹⁸.

Начальник Разведуправления Штаба РККА Я.К. Берзин 24 декабря 1928 г. в ответ на очередную германскую инициативу рекомендовал *«предложение об обмене разведывательными данными по Польше и совместном обсуждении вопросов мобилизации и развертывания польской армии принять»*. Однако он не пожелал пойти на слишком тесное сближение с немцами и заключил свой доклад словами: *«Попытки установить организационные контакты между разведками отклонить»*⁹⁹. В том же году нарком по военным и морским делам Ворошилов даже предложил посетившему его начальнику штаба рейхсвера Бломбергу союз против Польши в случае, если СССР или Германия подвергнется ее нападению¹⁰⁰.

⁹⁶ История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 117.

⁹⁷ Зубачевский В.А. Сотрудничество Красной армии и рейхсвера в 1920-е годы // ВИЖ. № 2. 2013. С. 35.

⁹⁸ Горбунов Е.А. Сталин и ГРУ. М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 130, 132–133.

⁹⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 71–78. Цит. по: Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М.: Наука, 2004. С. 63.

¹⁰⁰ Germany and the Second World War. Vol. IV. P. 69.

И.П. Уборевич

В целом влияние рейхсвера на развитие Красной армии в период их тесного сотрудничества было обширным и весьма заметным. Его результаты сразу бросились в глаза военному атташе Германии в Москве Эрнсту Кестрингу. Летом 1931 г. вместе с командованием РККА он совершил длительную поездку по Советскому Союзу, покрыв свыше 7 тыс. км и проинспектировав многие части и соединения РККА в разных уголках страны: в Бердичеве, Курске, Оренбурге и Свердловске. В своем отчете об увиденном Кестринг отметил: *«Наши взгляды и методы проходят красной нитью через их взгляды и методы»*¹⁰¹.

Но, несмотря на все попытки шире внедрить в Красной армии германские методы обучения и тактику, результаты получались заметно худшими, чем в рейхсвере. Слишком велика была разница между ними в их оснащении и в условиях их повседневной жизни и деятельности, а главное – в человеческом материале, из которого они создавались. В отчетном докладе о своей учебе в Германии Уборевич написал об этом достаточно откровенно: *«Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас»*¹⁰². И все же положительный эффект, полученный РККА от предвоенного советско германского военного сотрудничества, трудно переоценить.

¹⁰¹ Горлов С.А. Указ. соч. С. 248.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 429. Л. 48.

1.4. Вермахт – инструмент агрессии

В октябре 1926 г. Секта уволили со всех постов за самовольное приглашение бывшего германского принца Вильгельма Прусского на осенние маневры рейхсвера. Но к тому времени он уже успел создать хорошо отлаженную систему обучения войск и штабов, которую его преемникам оставалось только поддерживать. Да и после ухода Секта его детище отнюдь не останавлилось в своем развитии. Новое военное руководство Германии в первую очередь было озабочено созданием предпосылок для резкого роста рейхсвера в случае надобности.

Непосредственная подготовка к такому мероприятию началась в 1930 г. Именно тогда появились планы развертывания на базе каждой из имевшихся пехотных дивизий трех новых. Позже подобная система была внедрена в Красной армии. Согласно ей, на базе некоторых частей и соединений мирного времени в случае войны должны были развернуться по три аналогичных формирования. Такие базовые части и соединения назывались полками и дивизиями «тройного развертывания». После мобилизации рейхсвер должен был состоять из 21 пехотной и 3–4 кавалерийских дивизий, 33 батарей тяжелой артиллерии, 55 зенитных батарей, авиационного отряда и танкового батальона.

Каждый артиллерийский полк пехотных дивизий предполагалось пополнить дивизионным орудием среднего калибра, а их пехотные полки – вооружить противотанковыми пушками. Штаты вновь создаваемых соединений должны были заполняться достаточно молодыми ветеранами Первой мировой войны. Главной проблемой оказалось оснащение новых формирований оружием и снаряжением. Имевшихся в наличии запасов хватало только на 2/3 планируемой армии, а положение с боеприпасами было еще плачевнее. Для выправления столь нетерпимой ситуации в 1932 г. немцы приступили к серьезному изучению вопросов увеличения мощностей своей военной промышленности, соответствовавшему предполагаемому росту армии¹⁰³.

30 января 1933 г. канцлером Германии стал Гитлер, давно мечтавший уничтожить Версальскую систему и построить на ее обломках «тысячелетний рейх». После прихода к власти он получил, наконец, возможность претворить эти свои ранее беспочвенные фантазии в жизнь.

Высколенный и всесторонне подготовленный к немедленному росту рейхсвер оказался ему лучшим подарком. При нем потенциал, заложенный в германскую армию Сектом, полностью реализовался. В первый же год своего пребывания у власти Гитлер решил уже в мирное время осуществить разработанную ранее программу военной мобилизации.

Первоначально он планировал увеличить рейхсвер до 21 дивизии общей численностью в 300 тыс. человек к 1937 г. Но аппетит приходит во время еды, и новоявленный канцлер стал настаивать на переносе этой даты на осень 1934 г.¹⁰⁴

После смерти президента Гинденбурга 2 августа 1934 г. для Гитлера в Германии исчезли последние ограничения. Он немедленно взял на себя, помимо канцлерских, еще и президентские полномочия. А заодно присвоил себе официальные титулы фюрера (вождя народа) и рейхсканцлера, тем самым приобретя фактически абсолютную власть в стране. Должность главнокомандующего вооруженными силами Германии, ранее принадлежавшая президенту, тоже перешла к нему. Больше того, германские военнослужащие отныне стали присягать фюреру Адольфу Гитлеру, а не народу и государству, как прежде¹⁰⁵.

Искусно разжигая в Германии реваншистские настроения, Гитлер ускорил процесс ее ремилитаризации. К концу 1934 г. численность рейхсвера выросла до 240 тыс. человек, но

¹⁰³ Kennedy R.M. The German Campaign in Poland (1939). Washington, DC: Department of the Army, 1956. P. 13.

¹⁰⁴ Ibid. P. 18.

¹⁰⁵ История Германии XX века в новом измерении. С. 81–82.

это было только началом. В следующем году нацисты уже откровенно наплевали на основные ограничения Версальского договора и 16 марта ввели в Германии воинскую повинность. Тогда же рейхсвер был переименован в вермахт, а его состав увеличен с 10 до 36 дивизий. Закон от 21 мая 1935 г. объявил об организации в Германии ВВС и установил для призывников годичный срок службы. Столь короткий период обучения солдат был вынужденной мерой, ведь германская армия в период своего бурного роста на первых порах не могла сразу переварить большое количество новобранцев. Чрезмерное разбавление кадровых военнослужащих зелеными новичками неизбежно приводило к заметному снижению уровня боевой подготовки войск, поэтому немцы постарались этого избежать. Но уже через 15 месяцев быстрое расширение рядов вермахта позволило увеличить срок службы в нем до двух лет¹⁰⁶.

В вооруженные силы Германии призывалась и проходила там военную подготовку молодежь рождения 1914 и последующих годов. Большая часть мужчин, рожденных в 1900 г. и ранее, в свое время отслужили еще в кайзеровской армии и получили боевой опыт в ходе Первой мировой войны. Неохваченными оставались возраста, рожденные в период с 1901 по 1913 г. К ним относились 4 млн потенциальных призывников, подавляющее большинство которых никто и никогда не учил военному делу¹⁰⁷.

Но для осуществления обширных завоевательных планов Гитлеру требовался как можно больший контингент заранее подготовленных к мобилизации людей, которых можно быстро поставить в строй, когда это понадобится. Именно поэтому сложившаяся ситуация с кадрами будущих солдат была для нацистских руководителей совершенно неприемлемой, и они постарались ее выправить по мере возможностей. Непропущенных через армию военнообязанных начали призывать на краткосрочную двух или трехмесячную военную службу в специальных учебных подразделениях. После начала войны в случае мобилизации в армию их, как правило, направляли в резервные дивизии, которые использовались для обороны спокойных секторов фронта, охраны оккупированных территорий или выполнения вспомогательных функций. Там они получали надлежащее обучение, позволявшее перевести их на более ответственные участки.

Еще одной головной болью кадровиков вермахта было заметное снижение доли годных для военной службы призывников 1916–1918 гг. рождения, вызванное падением рождаемости в период Первой мировой войны. Если в обычные годы в сухопутную армию Германии призывалось ежегодно примерно 300 тыс. человек, то «эхо войны» уменьшало это число до 250 тыс. Но, несмотря на немалые трудности роста, вермахт, строившийся на прочном фундаменте рейхсвера, на глазах становился все больше и сильнее. В 1935 г. в нем насчитывалось 11 корпусов, в которые входили 29 дивизий и 2 бригады. В 1936 г. число корпусов выросло до 13, а дивизий – до 39, а в следующем году к ним прибавились еще 1 корпус и 1 бригада¹⁰⁸.

В октябре 1937 г. в Германии под ружьем числилось около 600 тыс. человек, а из 39 дивизий 3 были танковыми и 4 – моторизованными. Зато от кавалерии осталась лишь одна бригада. Часть кавполков из расформированных кавалерийских дивизий передали в корпусное подчинение, а остальные – в танковые войска. Кроме кадровых дивизий, появились 29 резервных, которые должны были войти в состав армии после объявления мобилизации. К ним приписывали недавно отслуживших в армии резервистов, поэтому их число непрерывно увеличивалось по мере роста числа людей, прошедших военную службу. В 1938 г. количество корпусов довели до 21, а дивизий – до 51. Из бригад к тому времени сохранилась только одна.

Аншлюс Австрии позволил включить в армию Германии ее войска, реорганизованные в одну танковую, одну легкую, две пехотные и две горные дивизии вермахта. В том же году после

¹⁰⁶ Kennedy R.M. Op. cit. P. 19.

¹⁰⁷ Frieser K. H. The Blitzkrieg Legend. The 194 °Campaign in the West. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2005. P. 23.

¹⁰⁸ Мюллер Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус, 2002. С. 33, 40–42.

присоединения Судетской области Чехословакии еще одна пехотная дивизия была сформирована главным образом из тамошних немцев. В марте 1939 г. число резервных пехотных дивизий дошло до 51. В них числились 1100 тыс. приписников. Интересно, что кадровая армия, куда помимо такого же количества дивизий входила еще и кавбригада, насчитывала в своих рядах в полтора раза меньше людей – 730 тыс. Это объясняется тем, что в военное время резервисты должны были служить не только в действующей армии, но и во вспомогательных, охранных и учебных частях, а также в административных органах¹⁰⁹.

К 1 сентября 1939 г. – дате германского нападения на Польшу – еще недавно небольшой по величине рейхсвер окончательно превратился в массовую армию – вермахт. Только его сухопутные силы насчитывали 3706 тыс. человек. Кроме того, 667 тыс. служили в ВВС, 122 тыс. – в ВМС, а еще 23 тыс. – в войсках СС¹¹⁰. Однако в этой столь стремительно разбухшей армии имелось только 1310 тыс. кадровых военнослужащих. Еще 647 тыс. недавно демобилизовались и относились к хорошо обученным резервистам, а 808 тыс. считались необученными. Остальные были ветеранами Первой мировой войны, которым требовалось срочно освоить современную технику и тактику¹¹¹.

Нетрудно увидеть, что для такого громадного роста армии вермахту не хватало подготовленного личного состава. Это частично компенсировалось практическим опытом мобилизаций в период аннексии Австрии и чехословацкого кризиса. Используя его, немцы разворачивали свою пехоту в четыре волны.

В 1-ю из них входили 35 кадровых пехотных дивизий, почти полностью укомплектованных и обученных еще в мирное время. 78 % их личного состава являлись кадровыми военнослужащими, а еще 12 % недавно отслужили в армии. Остальные 10 % приходилось учить с нуля, и им поручались обязанности, не требовавшие особых знаний и навыков для их выполнения.

2-я волна состояла из 16 пехотных дивизий, недавно сформированных из резервистов. Они уступали дивизиям 1-й волны и в численности (почти на 2,5 тыс. человек), и в вооружении, и в количестве автотранспорта. Кадровых военнослужащих в них было только 6 %, зато недавно отслуживших резервистов – 83 %.

21 дивизия 3-й волны комплектовалась исключительно мобилизованными старших возрастов, кадровые военнослужащие в них не служили, а транспорт еще в большей степени был гужевым. Предназначались они для позиционной обороны и потому имели на вооружение почти на 200 пулеметов больше, чем дивизии 1-й волны. А в 14 учебных дивизиях 4-й волны лишь 9 % личного состава, главным образом офицеры и унтер-офицеры, были кадровыми.

Подвижные войска вермахта состояли тогда из пяти танковых, четырех легких и четырех моторизованных дивизий, а также кавалерийской бригады. Все они вместе с тремя горнострелковыми дивизиями нуждались в укомплектовании до штатов военного времени и формировании для них тыловых подразделений¹¹². К сентябрю 1939 г. к ним добавились еще две незаконченные формирования танковые дивизии: 10-я и «Кемпф»¹¹³.

В стремительно выросшей армии резко обострилась проблема нехватки командных кадров. Для ее решения 1500 унтер-офицеров рейхсвера получили офицерские звания, а на действительную службу вернулись 1800 отставников и офицеров запаса, включая ветеранов Первой мировой войны. Еще 2500 офицеров перевели в армию из полиции. В 1937 г. четы-

¹⁰⁹ Kennedy R.M. Op. cit. P. 23–25.

¹¹⁰ Germany and the Second World War. Vol. V/I. Wartime administration, economy, and manpower resources 1939–1941. N. Y.: Oxford University Press, 2009. P. 1103.

¹¹¹ Frieser K. H. Op. cit. P. 23.

¹¹² Мюллер Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 79–85.

¹¹³ Jentz T.L. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933–1942. Atglen, PA: Schiffer Publishing Ltd., 1996. P. 91.

рехлетняя программа подготовки армейских офицеров сократилась вдвое, а количество кандидатов на их посты резко увеличилось. Если до 1933 г. их было 180–200 человек в год, то в 1938 г. это число выросло до 2 тыс.¹¹⁴

Но все эти меры не смогли восполнить дефицит офицеров. Именно поэтому взводами в вермахте, как и прежде в рейхсвере, зачастую командовали фельдфебели, а численность штабов частей и соединений была существенно меньшей, чем в других армиях мира. Так, если в штабе германского корпуса служили 27 офицеров, то в американском их было 69¹¹⁵. Тем не менее высокий профессиональный уровень германских командиров всех уровней позволял им успешно справляться со своими обширными обязанностями.

Создание люфтваффе вызвало перевод туда 500 армейских офицеров, которых и без того остро недоставало¹¹⁶. После аншлюса Австрии, казалось бы, появилась возможность несколько улучшить кризисную ситуацию с командными кадрами за счет ее армии. Однако многие из 2128 австрийских офицеров к тому времени достигли предельного возраста, поэтому только 1600 из них перешли на германскую службу. Учитывая общую численность армии Австрии – 58 тыс. человек – в результате слияния с ней дефицит офицеров в Германии только возрос¹¹⁷.

Отметим, что их в вермахте всегда было немного, они составляли лишь около 3 % личного состава его сухопутных сил. Так, к началу Второй мировой войны в действующей армии Третьего рейха численностью 2 741 064 человека имелось 81 314 офицеров¹¹⁸. Зная, что качество подготовки кадровых военнослужащих существенно превосходило уровень их коллег резервистов, германское командование старалось в первую очередь укомплектовать теми, кто получше, свои ударные соединения. Поэтому кадровые офицеры составляли половину командного состава в танковых, моторизованных и горнострелковых дивизиях. В пехотных дивизиях 1, 4, 11 и 12 й волн формирования их было 35 %, а в остальных дивизиях – лишь 10 %¹¹⁹.

¹¹⁴ Corum J.S. *Op. cit.* P. 201; Мюллер Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 38.

¹¹⁵ Van Creveld M.L. *Op. cit.* P. 50, 53.

¹¹⁶ Frieser K. H. *Op. cit.* P. 28.

¹¹⁷ Van Creveld M.L. *Op. cit.* P. 152.

¹¹⁸ Мюллер Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 706.

¹¹⁹ Germany and the Second World War. Vol. IV. P. 318–319.

1.5. Блицкриг: стратегия и тактика

Вермахт стал прямым наследником рейхсвера и продолжал использовать и развивать его тактику, существенно отличавшуюся от применяемой в ходе Первой мировой войны. Вместо позиционной борьбы с ее многодневным «прогрызанием» вражеской обороны, когда каждый клочок отвоеванного пространства оплачивался большой кровью, германская армия готовилась к высокоманевренным боевым действиям. И не случайно, ведь Германия не обладала достаточными ресурсами, ни людскими, ни материальными, чтобы вести длительную войну на истощение в условиях блокады, а тем более – на два фронта. Опыт Первой мировой войны продемонстрировал это более чем убедительно. Поэтому стратегия и тактика вермахта нацеливались на быстрый разгром его противников поодиночке. Особое внимание уделялось достижению внезапности нападения. В памятной записке германского верховного главнокомандования «Проблемы организации руководства войной» от 19.04.1938 указывалось:

«Формы развязывания войны и открытия военных действий с течением времени меняются.

Государство, его вооруженные силы и население приводятся в состояние возможно более высокой мобилизационной готовности еще до опубликования приказа о мобилизации.

Фактор внезапности как предпосылка для быстрых и крупных первоначальных успехов часто будет вынуждать начинать боевые действия до окончания мобилизации и даже до завершения развертывания сухопутных войск.

Объявление войны уже не во всех случаях будет предшествовать началу военных действий»¹²⁰.

Впервые немцы показали всему миру на практике, как это делается, в сентябре 1939 г., напав на Польшу. Именно тогда новую германскую стратегию окрестили коротким, но емким словом – блицкриг, или «молниеносная война» в переводе с немецкого. С тех пор этот термин приобрел широчайшую известность.

Главные принципы стратегии блицкрига ясны и понятны:

1. С самого начала кампании внезапно обрушить на противника свои основные силы.
2. Сразу же захватить и прочно удерживать инициативу.
3. Наносить непрерывные мощные удары, не позволяя противнику прийти в себя и перевести дух.
4. Разгромить и уничтожить армию противника в ходе одной скоротечной кампании, лишив его времени и возможности подготовить новые войска взамен разбитых или получить помощь от своих союзников.

Цель этой стратегии, сформулированная в журнале боевых действий ОКВ 23.07.1941, состояла в «быстром выведении из строя одного противника в войне на два фронта, чтобы можно было с полной силой обрушиться на второго»¹²¹.

С точки зрения тактики, по признанию самих немцев, в блицкриге ничего нового не было. Вот что говорилось об этом в одном из германских изданий в начале Второй мировой войны:

«Употребление слова блицкриг приводит людей к мысли, что он обозначает отход от общепризнанных принципов тактики, в то время как, по существу, он является только применением двух принципов, признанных в каждой стране, а именно:

1. *Задача всех родов войск состоит в том, чтобы дать возможность пехоте сблизиться с противником, сохранив средства, достаточные для того, чтобы навязать ему свою волю.*

¹²⁰ Совершенно секретно! Только для командования! М.: Наука, 1967. С. 74.

¹²¹ KTB OKW. Band I: 1. August 1940–31. Dezember 1941. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe Verlag, 1965. S. 1033.

2. Все виды оружия должны содействовать беспощадному преследованию противника в момент, когда его сопротивление сломлено»¹²².

Однако успешно руководствоваться на практике всеми этими, на первый взгляд, несложными рецептами может далеко не каждая армия. Вермахт оказался на это способен, поскольку заблаговременно овладел самыми передовыми на то время методами ведения вооруженной борьбы. Сначала он отрабатывал и совершенствовал их на учениях и маневрах, а потом настала очередь тех, кого Гитлер считал врагами Германии.

Важнейшими и неотъемлемыми предпосылками использования новых методов в тактике и оперативном искусстве стали порядки, установленные в рейхсвере Сектом. Речь идет прежде всего о всесторонней подготовке войск и их тесном взаимодействии, оснащении их эффективным вооружением и придании им надлежащей мобильности, позволявшей достичь неслыханной ранее быстроты действий и высочайших темпов наступления. Все это было, по большому счету, давно известно. Но в сочетании с современными высокоэффективными средствами вооруженной борьбы (танки, авиация, полная моторизация целых соединений и их обеспечение надежной радиосвязью) старые методы перешли на новый качественный уровень и позволили вермахту в начале Второй мировой войны добиться ряда триумфальных успехов.

Их сценарий в общих чертах повторялся от кампании к кампании. И каждый раз вермахт навязывал своим противникам высокоманевренную войну, где чувствовал себя, как рыба в воде. Но чтобы избавиться от статичности фронта, для начала его необходимо прорвать. Немцы достигали этого, широко используя тактику штурмовых групп, впервые разработанную и результативно использованную ими в ходе Первой мировой войны. Они глубоко осмыслили и творчески перенесли этот опыт с тактического уровня на оперативный, и результат опять оказался более чем удачным. Не случайно особенно отличились в этом деле бывшие пехотные офицеры с обширным боевым опытом командования штурмовыми группами, такие как небезызвестный «лис пустыни» Эрвин Роммель. Идя к заданной цели по пути наименьшего сопротивления, обходя узлы сопротивления и тесно взаимодействуя с саперами, артиллерией и авиацией, германская пехота раз за разом прорывала вражескую оборону.

Затем приходила очередь танковых и моторизованных войск, смело и решительно используемых командованием вермахта для развития тактического успеха в оперативный. Они незамедлительно врывались в проделанную для них брешь и на всех парах устремлялись вперед, не давая противнику опомниться и восстановить разорванный фронт. Оказавшись в тылу врага, танки громили его артиллерию, транспорт, обозы и штабы, опрокидывали резервы, нарушали связь и управление, рвали коммуникации и уничтожали склады. Их действия обеспечивались авиацией, которая не только прикрывала, но и поддерживала своих танкистов, обнаруживая и подавляя очаги сопротивления на их пути. Передовые части без усталости рвались вперед к поставленной перед ними цели без оглядки на свои открытые фланги и тыл. Об их безопасности заботились двигавшиеся вслед за ними мобильные соединения, поэтому наступающие группировки были глубоко эшелонированы, принимая форму гигантского клина.

Немцы умело справлялись с нелегкой проблемой артиллерийской и авиационной поддержки своих подвижных войск, включая передовые части, действовавшие в отрыве от главных сил. Надежное управление ими обеспечивалось радиосвязью, а его скрытность от противника — широким использованием портативных шифровальных машин. Особую сложность представляло собой бесперебойное снабжение авангардов, да еще на ходу и в условиях отсутствия сплошного фронта. Эта задача решалась путем продуманной организации движения обозов, а главное — правильным выбором главной оси наступления. Не случайно она обычно проходила вдоль автомобильных дорог с высокой пропускной способностью. Разведку путей наступления

¹²² ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12480. Д. 5. Л. 7 об.

вели не только специально предназначенные для нее подразделения сухопутных войск, но и приданные им самолеты.

Глубокие и внезапные танковые рейды производили уничтожающий эффект на мораль их противников. Они сеяли на своем пути семена смятения и страха, скоро перераставшие в безудержную панику, которая быстро распространялась далеко вокруг. Даже боеспособные части после контакта с толпами обезумевших паникеров нередко утрачивали самообладание и сами присоединялись к бегущим. К тому же вражеское командование отовсюду получало гиперболизированные сведения о силах и успехах немцев и зачастую теряло способность правильно сориентироваться в сложной обстановке и принять адекватные меры противодействия. В подобных условиях оно быстро утрачивало волю к победе. Такого ошеломительного эффекта вначале не ожидали даже сами немцы. Он многократно превосходил физический ущерб, причиняемый прорвавшимися танками.

В стремительно менявшейся обстановке высокоманевренной войны решающую роль в достижении успеха играло предоставление максимальной самостоятельности командирам всех уровней и всемерное поощрение их инициативы. Они должны были верно определить ключевые объекты (пункты) на поле боя (сражения), а затем найти способы овладения ими. В отличие от типичных сражений периода Первой мировой войны это достигалось не путем фронтального вытеснения противника с его позиций, а за счет решительного маневра. Его основными формами были широкомасштабные охваты и обходы. Конечной целью наступающих после выхода на оперативный простор являлся не захват территории, а окружение вражеских войск с последующим их уничтожением.

Германские ударные клинья образовывали гигантские клещи, которые, смыкаясь, запирали оказавшегося между ними противника в котлы. Их внешний фронт обычно создавался подвижными соединениями, а внутренний – пехотой, следовавшей за ними с максимально возможной быстротой. Отрезанные и лишенные снабжения войска быстро рассеивались, погибали или капитулировали. Именно в окружениях противники немцев несли наибольшие безвозвратные потери, причем главным образом – пленными. После этого их ранее сплоченный фронт безнадежно разваливался на части. Война выигрывалась не длительным постепенным истощением ресурсов вражеских стран, а стремительным сокрушением их вооруженных сил. Причем настолько стремительным, что времени на их восстановление уже не оставалось. Это и был классический блицкриг.

Ошеломительные успехи сначала в Польше, затем на Западе и, наконец, на Балканах далеко превосходили все ожидания германского руководства и вселили в него иллюзорную уверенность в собственной непобедимости. Гитлер опрометчиво решил, что эта столь удачно апробированная стратегия и тактика блицкрига позволит ему точно так же разгромить СССР, несмотря на его бескрайние просторы и огромные людские и материальные ресурсы. Но жестоко просчитался...

Глава 2

СССР между мировыми войнами

2.1. Планы, политика и реальность

Вся жизнь социалистического государства, включая его вооруженные силы, подчинена заранее разработанным планам. Важнейшее место среди них занимают военные планы, которые делятся на категории, определяемые их предназначением. Так, наряду с планом строительства вооруженных сил, существуют мобилизационный и оперативный планы. Как ясно уже из его названия, план строительства вооруженных сил определяет пути их развития в мирное время. Для перехода на военные рельсы страна руководствуется мобилизационным планом, устанавливающим порядок мобилизации и развертывания ее вооруженных сил в случае войны. Согласно ему же, организуется и работа тыла по обеспечению нужд фронта. Оперативный план регламентирует сосредоточение и развертывание вооруженных сил, а после начала войны – их вступление в боевые действия. План строительства вооруженных сил и мобилизационный план в конечном итоге направлены на обеспечение оперативного плана необходимыми людскими и материальными ресурсами, поэтому все эти планы тесно увязываются между собой.

Военные планы создаются не вдруг и не по прихоти военных. Задачи вооруженным силам ставит политическое руководство, и оно же определяет отправные условия для военного планирования. К ним относятся прежде всего мобилизационные ресурсы страны и ее возможности по материальному обеспечению своих вооруженных сил. В этих сведениях военные обычно разбираются неплохо, но им еще необходимо знать как своих вероятных противников, так и союзников в возможном конфликте.

Врагов и друзей определяют политики, а подробную информацию и о тех, и о других собирает разведка. Она обязана снабдить политическое и военное руководство своей страны достоверными сведениями о военных и экономических потенциалах вероятных противников, их возможностях, намерениях и реальной степени исходящей от них угрозы, а также оценить надежность союзников и их вероятный вклад в общее дело. Нельзя забывать и о нейтральных странах, особенно о мерах, необходимых для их привлечения на свою сторону, или хотя бы для сохранения ими нейтралитета, и, уж точно, для предотвращения их перехода в стан врагов.

Главная задача политиков – в первую очередь избежать вооруженного столкновения. А если это окажется невозможным, – создать как можно более подходящие условия для вступления в него своих вооруженных сил и максимально неблагоприятные – для противника. Особую важность приобретает определение примерных сроков будущей войны. Чем лучше разработчики военных планов знают своих врагов и союзников, а также срок, к которому им необходимо подготовиться, тем ближе к реальности получатся их планы, тем скрупулезнее и точнее они будут проработаны и тем выше окажется вероятность их успешного осуществления на практике. Так опытный спортсмен заранее тщательно изучает своих будущих соперников и подводит себя к пику спортивной формы как раз к моменту начала ответственных соревнований.

Вот тут и кроется специфическая проблема СССР, сильно осложнившая его вступление в войну с Германией. Постоянным лейтмотивом кремлевского руководства, настойчиво внушаемым народу страны всей мощью государственного пропагандистского аппарата, было представление о *«молодой советской республике в кольце врагов»*. Об этом ясно заявил Ленин 23 декабря 1921 г. в отчете ВЦИК и СНК РСФСР IX Всероссийскому съезду Советов: *«И первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это – быть*

начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске»¹²³.

Такое предвзятое представление целиком и полностью сохранилось даже после окончания Гражданской войны и связанной с ней иностранной интервенции. На его основе принимались важнейшие политические решения и разрабатывались основные экономические и военные планы. Ментальность, настойчиво насаждаемую в СССР на протяжении всей его истории, очень точно охарактеризовала признанная специалистка в области военной психологии д. и. н. Е.С. Сенявская: *«Терминология тех лет – “вся страна – военный лагерь”, “вражеское окружение” и т. п., отражавшая международную обстановку и положение в ней Советской России, отражала и психологию общества, которое никак не могло расстаться с недавно пережитыми войнами и продолжало оставаться в состоянии “взведенного курка”, оцетинившимся на весь мир и на себя самое. Экономика, политика, даже культура были пропитаны “духом войны”. <...> Этот образ мышления заставлял воспринимать собственную страну как осажденную врагами крепость, из которой, в свою очередь, при первой же возможности совершались военные вылазки. В этом русле следует рассматривать и локальные конфликты второй половины 1930-х гг., и советско-финляндскую “зимнюю” войну, и походы на Запад, раздвинувшие границы СССР перед началом Великой Отечественной войны. Это же мышление стало одной из причин полувековой “холодной войны” и безудержной гонки вооружений в невыгодных для СССР условиях»¹²⁴.*

Ее мнение как нельзя нагляднее иллюстрирует формулировка из секретного военно исторического исследования «Будущая война», написанного ответственными работниками Разведывательного управления Штаба РККА в 1928 г. в качестве прогноза грядущих событий:

«Основным фактором, который обуславливает неминуемое вовлечение нас в новую войну, служит тот факт, что СССР является единственным на земном шаре пролетарским государством, осуществляющим социалистическое строительство в условиях капиталистического окружения и играющим роль авангарда и оплота международного революционного движения.

В настоящее время между двумя лагерями, на которые разделился современный мир, существует состояние известного неустойчивого равновесия, которое мы называем временной “мирной передышкой”. Полоса этой передышки, по всей вероятности, не будет продолжаться слишком долго; она сменится неизбежным военным столкновением капиталистического мира с СССР.

Столкновение это, скорее всего, произойдет в форме новой военной интервенции империалистов в СССР. Однако, в условиях нашей эпохи имеются и такие факторы, которые могут привести нас к войне не только вследствие нападения на нас империалистов. Ход истории и развитие революционного движения могут вызвать наше самостоятельное выступление на помощь тем социальным силам, которые подрывают капиталистический строй и несут ему окончательное разрушение (например, в случае революции в одной из крупных капиталистических стран; возможность войны не исключена также в случае мощного подъема революционного движения в одной из крупных колониальных или полуколониальных стран)»¹²⁵.

Таким образом, всякая возможность предотвращения войны и сохранения мира тут отвергалась напрочь. А кто же в то время считался врагами и союзниками Советского Союза? Отвечая на этот важнейший вопрос, авторы исследования рассортировали основные страны мира на четыре группы:

¹²³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5 е изд. (далее ПСС). Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 296.

¹²⁴ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 319, 321.

¹²⁵ Будущая война. М.: ВАГШ ВС РФ, 1996. С. 35.

«1-я группа – государства, явно враждебные по отношению к СССР: Англия, Франция, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва; сюда же можно причислить и Италию, которая из соображений своей общей политики готова поддержать антисоветские планы Англии.

2-я группа – государства, могущие примкнуть к антисоветскому фронту: Германия, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Юго-Славия, Греция, Бельгия, Япония и САСШ.

3-я группа – государства, не заинтересованные в войне с нами по географическим, экономическим и политическим причинам: Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Австрия, Албания, Персия и страны Латинской Америки.

4-я группа – государства, дружественные по отношению к нам: Турция, Афганистан, Китай (потенциально), страны Арабского Востока – Африка, Индонезия и Британская Индия (объективно), Монголия»¹²⁶.

Наиболее вероятным считалось нападение на Советское государство вражеской коалиции в составе Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы при материально технической и финансовой поддержке со стороны Великобритании, Франции, Чехословакии и Италии. При этом ожидалось, что Германия, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Италия, Болгария, Греция и Персия (Иран) будут участвовать в экономической блокаде СССР. Не исключалась и возможность прямого участия в войне британских и французских вооруженных сил, а также армий других крупных держав.

Главным объектом агрессии предполагалась Украина с ее углем, металлом и хлебом для подрыва экономической базы Советского Союза в войне на истощение. Как мы убедимся, до начала Второй мировой войны эта оценка наиболее вероятных противников и их стратегических целей во многом сохранялась неизменной. Самым опасным выглядело одновременное нападение Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Великобритании (через территории Турции, Персии и Афганистана), китайских милитаристов и Японии. Но этот вариант с учетом вероятности его осуществления стоял на последнем месте.

Из всех советских соседей только Швеция, Норвегия и Дания считались нейтральными. С Афганистаном Москва тоже надеялась сохранить дружественный нейтралитет, а позиция Турции оставалась неясной. Считалось, что США не станут вмешиваться в войну, но поддержат западноевропейских противников СССР своими кредитами и разорвут с ним экономические связи.

Апокалипсические сценарии войны, описанные авторами исследования, имели мало общего с действительностью. Предполагаемая ими антисоветская коалиция была отнюдь не монолитной. Взаимоотношения многих входивших в нее стран омрачались не только принципиальными противоречиями, но и серьезными конфликтами.

Например, Польша, считавшаяся в Москве до середины 30 х гг. основным и наиболее опасным противником, полагала Германию не меньшим своим врагом, чем СССР. После Первой мировой войны к полякам отошли бывшие германские территории: восточная часть Верхней Силезии и районы Померании, образовавшие так называемый «Польский коридор». Он обеспечил выход Польши к Балтийскому морю, но отрезал Восточную Пруссию от основной территории Германии. Сам факт его существования постоянно напоминал немцам об унижении Версалия и подпитывал их старинную вражду к полякам. Варшава прекрасно осознавала, что Берлин не смирится с таким положением и рано или поздно попытается вернуть свои бывшие земли, поэтому значительным силам польской армии приходилось прикрывать свою западную границу. Враждовала Польша и с Литвой, у которой она еще в 1920 г. отобрала Виленский край. Эти страны до 1938 г. не имели даже дипломатических отношений, не говоря

¹²⁶ Там же. С. 54.

уже о союзных. А с Чехословакией поляки не ладили из за Тешинской области, поскольку были убеждены, что имели на нее больше прав, чем владевшие ею чехи.

Румынии тоже было совсем не до новых захватов. Ее куда больше заботило удержание Бессарабии, отобранной у Советской России в 1918 г., Трансильвании, ставшей объектом венгерских претензий, и Южной Добруджи, которую считала своей Болгария. Список взаимных притязаний и тлеющих конфликтов между странами, готовившимися, по мнению авторов «Будущей войны», всеми общими силами и средствами вот вот обрушиться на СССР или сообща участвовать в его блокаде, можно продолжить. Но и без того понятно, что реальная угроза их добровольных совместных действий, мягко говоря, сильно преувеличивалась. Дальнейшее развитие событий убедительно подтвердило такую оценку. Больше того, взаимная враждебность этих стран вынуждала их отвлекать часть своих и без того ограниченных сил для защиты собственных границ от опасных соседей. Однако авторы «Будущей войны» ничего этого не учитывали, зато неизменно раздували потенциальные возможности своих предполагаемых противников.

Особое внимание в исследовании уделялось англичанам, и вот почему: *«Наиболее враждебную политику по отношению к СССР проводит консервативное правительство Великобритании. Оно является главным инициатором противосоветских комбинаций»*¹²⁷. Его авторы не сомневались, что сами по себе Польша и Румыния даже в коалиции с прибалтийскими странами были неспособны вести успешную войну с СССР. Именно в Великобритании они видели ту враждебную силу, которая могла подтолкнуть их к агрессии и помочь в ее проведении. К тому же могучий британский флот имел возможность непосредственно угрожать советскому морскому побережью: вести обстрелы, высаживать десанты, перебрасывать, снабжать и поддерживать огнем вражеские войска.

Но от теоретической возможности до ее практического осуществления – дистанция огромного размера. Главные державы победительницы в Первой мировой войне – Великобритания и Франция – после ее окончания больше всего хотели сохранить сложившееся статус кво. Они по горло насытились ужасами войны с ее неслыханными прежде людскими, материальными и финансовыми потерями и не имели ни малейшего желания конфликтовать с кем бы то ни было. 10 апреля 1926 г. меморандум британского МИД о международной политике страны и ее важнейших интересах более чем откровенно констатировал:

«У нас <...> нет ни территориальных амбиций, ни желания расширяться. Мы уже приобрели все, чего желали, и, наверное, даже больше. Наша единственная цель состоит в том, чтобы удержать то, что у нас есть, и жить в мире. <...>»

*Реальность такова, что война и слухи о войне, вражда и конфликты в любом уголке мира означают потери и ущерб британским торговым и денежным интересам. <...> Британская внешнеторговая и финансовая деятельность столь широка и многообразна, что в результате нарушения мира мы окажемся в убытке при любом исходе. <...> Без нашей торговли и наших финансов мы опустимся на уровень третьеразрядной страны»*¹²⁸.

Эти слова легли в основу внешней политики Великобритании в межвоенный период и долгое время предопределяли ее военные расходы. В августе 1919 г. британское правительство в качестве закона приняло «Правило 10 лет». Согласно ему, вооруженные силы страны должны были планировать свой ежегодный бюджет исходя из того, что им не придется участвовать ни в каком крупном военном конфликте в течение последующего десятилетия. Это правило регулярно продлевалось и было отменено только в марте 1932 г. Да и то с условием, что его отмена не должна стать поводом для роста военных расходов, урезанных за время его действия в 7,5

¹²⁷ Там же. С. 46.

¹²⁸ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Series 1A. Vol. I. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1966. P. 846.

раз: с 766 млн фунтов стерлингов до 102¹²⁹. Руководство СССР, несомненно, знало об этом публично объявленном правиле, но, видимо, сомневалось, что оно действительно соблюдается, и продолжало сохранять к англичанам глубокое недоверие, доходившее до ненависти.

В 1927 г. произошли события, подорвавшие и без того непрочные отношения между двумя странами. Сначала 23 февраля британский министр иностранных дел Остин Чемберлен направил советскому правительству грозную ноту с требованием немедленно прекратить антибританскую пропаганду и военную помощь китайскому Гоминдану. Потом 12 мая лондонская полиция произвела внезапный обыск в помещении советской торговой компании «Аркос». И обнаружила там секретные документы, свидетельствовавшие о подрывной деятельности базировавшегося в Москве Коминтерна в Великобритании и Китае. Последовавший 27 числа того же месяца полный разрыв дипломатических и торговых отношений с англичанами в Москве восприняли как несомненный признак неотвратимо приближавшейся британской агрессии. Соответственно, в проекте тезисов о войне и военной опасности, подготовленных тогда для пленума Исполкома Коминтерна, Великобританию привычно назвали *«фактором, наиболее угрожающим делу мира»*¹³⁰. Так в Кремле начался очередной этап роста антибританских настроений, ставших одной из причин рокового сближения СССР с нацистской Германией.

Международная жизнь в том году оказалась богатой на драматические события, связанные с СССР. Еще накануне в декабре британская газета «The Manchester Guardian» и германская «Vorwärts» опубликовали ряд статей, разоблачавших тайное сотрудничество Красной армии и рейхсвера. В феврале командир авиаотряда К.М. Клим перелетел на своем самолете в Польшу и тоже рассказал журналистам о секретных советско-германских связях¹³¹. А в Варшаве 7 июня белоэмигрант убил полпреда Москвы П.Л. Войкова, так что напряженность на и без того беспокойной польско-советской границе резко возросла. Наконец, в октябре еще одного полпреда – Х.Г. Раковского – выслали из Франции за коммунистическую пропаганду, несовместимую с дипломатическим статусом.

Все происходившее вызвало в Советском Союзе настроение, получившее название «военная тревога 1927 года». В самом ее начале Наркомат по военным и морским делам составил заявку для промышленности на поставку боеприпасов, необходимых на первый год войны. При ее подготовке предполагалось, что активные боевые действия будут вестись не более половины этого срока, а расход боеприпасов не превысит уровня последнего года Гражданской войны. И тут выяснилось, что советская промышленность могла обеспечить только 29 % потребности армии в патронах и всего лишь 8,2 % – в снарядах¹³². Между тем на 01.10.1927 запасов снарядов в стране имелось на четыре месяца войны, а патронов не хватало даже на полгода¹³³.

Еще больше удручали результаты сравнения возможностей экономики СССР и ведущих западных стран. Так, производственные мощности одной Франции при почти вчетверо меньшем населении превосходили тогда советские по производству боевых самолетов в 7 раз, танков – в 20 раз, артиллерии – втрое, а пулеметов – вдвое¹³⁴. В Кремле осознали, что страна

¹²⁹ Kennedy P. The Reality Behind Diplomacy: Background Influences on British External Policy, 1865–1980. Glasgow: Fontana Press, 1989. P. 231.

¹³⁰ Минц М. Представление советского военно-политического руководства о составе вероятных противников СССР в будущей войне (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) // ВИА. № 8. 2012. С. 178.

¹³¹ Горлов С.А. Указ. соч. С. 186–187, 198.

¹³² Минаков С.Т. Указ. соч. С. 355.

¹³³ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 258. Л. 16–44. Цит. по: Вестник АПРФ. Красная Армия в 1920-е годы. М.: Историческая литература, 2007. С. 151.

¹³⁴ Хохлов Е.В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. С. 49.

совершенно не готова к сколько нибудь масштабному вооруженному конфликту. В этих условиях той же осенью в Советском Союзе началась серьезная подготовка экономики к грядущей большой войне.

2.2. Военное строительство в СССР

В конце Гражданской войны на 1 января 1921 г. Красная армия вместе с авиацией насчитывала 4 213 497 человек¹³⁵. Через два года ее штатная численность сократилась до 610 тыс. человек, включая 25 тыс. в ВМФ¹³⁶.

Для экономии военного бюджета большую часть армии перевели на территориальную систему, так что к 1925 г. 46 из ее 77 дивизий стали территориальными¹³⁷. Лишь небольшая часть их личного состава (главным образом – командиры) состояла из кадровых военнослужащих. Будущие красноармейцы перед началом службы в территориальных войсках проходили 210 часовую допризывную военную подготовку, а потом зачислялись в местную воинскую часть. Продолжая работать в народном хозяйстве, они в течение пяти лет ежегодно привлекались к военным сборам: в первый год – трехмесячным, во второй – двухмесячным, а в дальнейшем – по одному месяцу¹³⁸. В перерыве между сборами время от времени проводилась дополнительная военная подготовка. Такие войска вполне соответствовали резолюции VIII съезда РКП(б) «По военному вопросу», принятой в марте 1919 г.: «...самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях, близких к их повседневному труду. <...> Такая армия... стала бы самой непобедимой армией в мире»¹³⁹. Но, как выяснилось на практике, территориальные дивизии имели недопустимо низкую боеспособность, и со временем их переформировали в кадровые.

Состояние экономики СССР не позволяло тогда в мирное время содержать крупные вооруженные силы. В случае войны их планировалось довести до 3300–3400 тыс. человек, т. е. увеличить в 5,5 раз¹⁴⁰. Однако слаборазвитая дорожная сеть страны и ее ограниченные транспортные возможности не позволяли в короткие сроки провести мобилизацию и сосредоточение крупных сил у пограничных рубежей.

Чтобы обеспечить беспрепятственное развертывание армии в начале будущей войны, в 1928 г. было решено построить на западной границе цепь укрепленных районов. Первым из них стал Карельский УР, защищавший Ленинград с севера. Вслед за ним в том же ЛВО соорудили Кингисеппский и Псковский УРы, в Белоруссии – Полоцкий, Минский и Мозырский, а на Украине – Коростеньский, Новоград Волынский, Летичевский, Могилев Ямпольский, Киевский, Рыбницкий и Тираспольский. Каждый из них прикрывал участок госграницы шириной 45–185 км и имел глубину до 5 км¹⁴¹. Только Киевский УР, защищавший украинскую столицу, находился в 250 км от границы. Укрепрайоны располагались на важнейших оперативных направлениях и, как правило, опирались одним или обоими флангами на крупные естественные преграды. Они стали основой пограничного оборонительного рубежа, получившего впоследствии широкую известность как «линия Сталина», хотя официально он так не назывался. В 1929–1938 гг. там возвели 3196 ДОСов, 409 из которых имели артиллерийское вооружение. Их защищали 25 пулеметных батальонов общей численностью до 18 тыс. человек¹⁴².

¹³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 20. Д. 1. Л. 1–2. Цит. по: Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1929–1941 гг. М.: ГАБТУ, 2004. С. 71.

¹³⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 253. Л. 25–50. Цит. по: Вестник АПРФ. Красная Армия. С. 24.

¹³⁷ Вестник АПРФ. Красная Армия. С. 7.

¹³⁸ Берхин И. О территориально милиционном строительстве в Советской Армии // ВИЖ. № 12. 1960. С. 16.

¹³⁹ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 414.

¹⁴⁰ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 679. Л. 1–37. Цит. по: Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. Кн. 2. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С. 115.

¹⁴¹ 1941 год – уроки и выводы. С. 207.

¹⁴² Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 99.

М.Н. Тухачевский

20 декабря 1927 г. М.Н. Тухачевский, занимавший тогда должность начальника Штаба Красной армии, направил наркому по военным и морским делам Ворошилову служебную записку «О радикальном перевооружении РККА». Опираясь на растущие экономические ресурсы страны, он предложил резко увеличить численность войск, безотлагательно приступить к их полному перевооружению, повысить подвижность и усилить ударную мощь. В записке справедливо отмечалось: *«Необходимо подойти к структуре РККА реконструктивно, в полном соответствии с нашими хозяйственными успехами. <...> Рост авиационных и танковых сил правильнее всего можно определить, если исходить из производственных возможностей, а не из увеличения существующих авиа- и бронесил РККА на столько-то и столько-то процентов»*¹⁴³.

Тухачевский благоразумно исходил из предположения о невероятности возникновения большой войны в ближайшее пятилетие¹⁴⁴. Однако его далекоидущие планы заметно опережали реальные возможности СССР и были отвергнуты. Вместо них перед военными поставили более скромные, но зато вполне достижимые задачи, рассчитанные на скорую реализацию. 15 июля 1929 г. Политбюро утвердило основные установки плана строительства вооруженных сил на ближайшее пятилетие, сформулированные в отчетном докладе РВС СССР в июне того же года:

¹⁴³ Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 385–386.

¹⁴⁴ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно промышленного комплекса СССР. 1921–1931. М.: АИРО XX, 2001. С. 58.

«По численности – не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны.

По технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения, а именно по воздушному флоту, артиллерии и танкам»¹⁴⁵.

Таким образом, во главу угла ставилось достижение количественного превосходства над врагами не в людях, а в технике. Однако Тухачевский, переведенный в мае 1928 г. на пост командующего ЛВО, продолжал настаивать на своем проекте резкого увеличения численности армии. 11 января 1930 г. он отправил Ворошилову очередную записку, в которой развил и конкретизировал идеи предыдущей. Содержавшиеся там расчеты опирались на плановые экономические показатели первой пятилетки, начавшейся год назад. Не сомневаясь в их достижимости, Тухачевский писал:

«Наши ресурсы, в связи с успешным осуществлением пятилетки, позволяют: а) развить массовые размеры армии; б) увеличить ее подвижность; в) повысить ее наступательные возможности.

При этом надо учитывать, что количественный и качественный рост различных родов войск вызывает новые пропорции, новые структурные изменения и что реконструированная армия вызовет и новые формы оперативного искусства»¹⁴⁶.

Тухачевский предложил довести состав РККА военного времени до 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 тыс. танков и 40 тыс. самолетов. Резервы Главного командования должны были включать 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, а также 225 пулеметных батальонов. Общее число соединений обосновывалось имевшимися тогда возможностями переброски в четырехнедельный срок по железным дорогам 214 дивизий к западной границе и 16 – к румынской. Еще 15 дивизий оставались бы во внутренних округах, а последние 15 составляли резервы Главного командования. Тухачевский полагал, что такая армия *«несомненно соответствует производственным возможностям пятилетки»* и потому *«будет обеспечена и индустриальными, и транспортными, и людскими ресурсами»*. Возросшая численность и лучшее техническое оснащение войск позволили бы им успешно решать неслыханные ранее задачи. Речь шла об одновременном ударе *«не менее как 150 дивизий на громадном фронте – 450 клм. и больше – и притом сражение одновременно на всем этом фронте, должно распространиться в глубину на 100–200 клм., что может повлечь полное уничтожение армий противника, менее сильных технически. Это углубление сражения может быть достигнуто массовой высадкой десантов в тыловой полосе противника, путем применения танково-десантных прорывных отрядов и авиационных десантов. <...> Деятельность десантных отрядов должна поддерживаться массовыми действиями авиации и массовым применением химических средств борьбы»¹⁴⁷.*

По расчетам Тухачевского, общая численность планируемой им армии достигла бы 5,8 млн человек при 20 тыс. орудий¹⁴⁸. Для сравнения: по мобплану № 10, действовавшему в 1930 г., в Красной армии после мобилизационного развертывания предусматривалось иметь 105,5 стрелковых и 15,5 кавалерийских дивизий, а также 6 дивизий артиллерии РККА общей численностью в 3 175 324 человека, 8595 орудий, 429 танков и 1420 самолетов¹⁴⁹.

Эта записка вызвала в военных и политических верхах страны бурную дискуссию, отголоски которой не утихли до сих пор. В пылу полемики действительная точка зрения Тухачевского подверглась немалым искажениям, поэтому ее необходимо прояснить. Прежде всего,

¹⁴⁵ АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 259. Л. 98–105, 168–180. Цит. по: Вестник АПРФ. Красная Армия. С. 217, 238.

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 34.

¹⁴⁷ Там же. Л. 40–43.

¹⁴⁸ Там же. Д. 446. Л. 6 об., 7 об.

¹⁴⁹ Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930 х гг.). М.: ОГИ, 2008. С. 160, 471.

отметим, что астрономическое количество военной техники, запрашиваемое Тухачевским, свидетельствует о его слабом знакомстве с действительным положением дел в советской промышленности. СССР унаследовал далеко не самую развитую экономику царской России, в значительной степени подорванную сначала революцией и Гражданской войной, а затем длительной разрухой. Она лишь недавно стала приходить в себя, и ее реальные возможности оставались весьма ограниченными. Принимаемые в то время планы производства зачастую были чрезмерно завышены и хронически не выполнялись. Работая на пределе возможностей, в 1930–1933 гг. страна смогла произвести только 9224 самолета (включая гражданские) и 7865 танков и танкеток¹⁵⁰.

Вместе с тем предложения Тухачевского содержали несомненное рациональное зерно. Он предлагал не строить специализированные военные заводы, а выпускать боевую технику, опираясь главным образом на гражданские предприятия. А мощности военной индустрии в мирное время должны были частично задействоваться для изготовления товаров общего назначения. Производство такого типа создает реальные предпосылки для резкого увеличения выпуска военной продукции в случае необходимости и не ложится излишним бременем на экономику страны. К тому же речь в записке Тухачевского шла о производстве танков и самолетов в условиях ведения полномасштабной войны на Западном ТВД, когда вся советская промышленность работала бы на нужды фронта. Именно поэтому он и считал возможным ввести в строй такое большое количество боевой техники. Причем, по мнению Тухачевского, только танки первой линии (около трети их общего количества) представляли бы собой полноценные образцы. В последующих за ними эшелонах достаточно было иметь их дешевые суррогаты, поэтому на роль танков вполне подходили бронированные трактора¹⁵¹.

Да и количество танков Тухачевский взял отнюдь не с потолка, как это может показаться на первый взгляд. Пользуясь советами опытного инженера Н.Н. Магдесиева с ленинградского завода «Большевик», он полагал, что производство двух тракторов примерно соответствует одному танку. Поэтому, основываясь на планах производства в СССР в 1932/1933 хозяйственном году 197 100 тракторов, Тухачевский считал возможным построить вместо них за то же самое время 100 тыс. танков. Даже в случае потери половины из них в результате боевых действий к концу первого года войны в строю оставались бы еще 50 тыс. Аналогичный расчет был сделан им и для самолетов, и тоже с учетом их массовых боевых потерь. Базировался он на планах выпуска в Советском Союзе в 1932/1933 хозяйственном году 350 тыс. автомобилей. Исходя из статистики производства автомашин и самолетов во Франции, Великобритании и Германии в период Первой мировой войны и близкие к ней годы, Тухачевский получил коэффициент 0,35, позволивший ему ориентировочно оценить возможности промышленности при переводе ее с автомобилестроения на выпуск самолетов. А при годовичном производстве 122 500 самолетов и потере 70 % из них в боях к концу года их должно было сохраниться 35–40 тыс.¹⁵²

Отметим, что в своих расчетах Тухачевский использовал, мягко говоря, чересчур оптимистичные коэффициенты. Да и плановые числа, на которых он основывался, были далеки от реальности. Так, в 1932 г. в Советском Союзе изготовили 50 640 тракторов или немногим более четверти количества, намеченного в 1929 г.¹⁵³ Индустрия страны тогда только начала свое становление, переживала болезни форсированного роста и страдала острым дефицитом кадров, особенно квалифицированных. В 1931 г. среди 36 419 рабочих авиастроения высококвалифицированными считались 2,4 %, а средней квалификации – 26,9 %. Остальные 70,7 % относились к полуквалифицированным и низкоквалифицированным. Производительность труда

¹⁵⁰ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. М.: Наука, 2006. С. 115; Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. 1905–1941. М.: Экспринт, 2002. С. 17.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 9–9 об.

¹⁵² Там же. Д. 447. Л. 38–40.

¹⁵³ Индустриализация СССР. 1929–1932 гг. Документы и материалы. М.: Наука, 1970. С. 344.

таких работников была низкой, а процент выпускаемого ими брака – высоким. При этом их средняя текучесть в том году составила 60 %, а среди слесарей инструментальщиков достигла 97 %¹⁵⁴.

Ее причинами были не только тяжелые условия труда и быта, но и потогонная система производства, порождаемая системой советского планирования тех времен. Предприятиям сознательно доводились заведомо неосуществимые производственные задания, чтобы выжать из них все возможное, даже если они их не выполняют. Беспрерывные авралы и штурмовщина, порождаемые подобными методами управления промышленностью, неизбежно приводили к падению качества ее продукции. Но над этим тогда мало кто задумывался, все затмевала магия больших чисел. Сталин в письме Ворошилову от 24 июня 1932 г. так обосновал этот своеобразный способ подстегивания роста производства: *«По части танков и авиации, видимо, промышленность не сумела еще, как следует, перевооружиться применительно к новым (нашим) заданиям. Ничего! Будем нажимать и помогать ей, – приспособится. Все дело в том, чтобы держать известные отрасли промышленности (гл[авным] обр[азом] военной) под постоянным контролем. Приспособятся и будут выполнять программу, если не на 100 %, то на 80–90 %. Разве этого мало?»*¹⁵⁵

В военном деле Тухачевский разбирался куда лучше, чем в экономике, и был большим поклонником новейших технических средств.

В целях проведения быстрой мобилизации и сосредоточения многомиллионной армии на западном ТВД в условиях слаборазвитой дорожной сети он предлагал шире использовать для дальних воинских перевозок транспортную авиацию. Но, судя по всему, мало задумывался, как подготовить для огромной массы запланированной им боевой техники соответствующее количество освоивших ее людей. А эта проблема по сложности и важности не уступает проблеме ее производства, тем более в такой отсталой по части технической грамотности стране, какой был тогда СССР. Ведь воюет не техника сама по себе, а люди, и именно людское умение владеть техникой в наибольшей степени предопределяет результаты ее использования.

Нельзя сказать, что этого не знали в Москве. Еще 28 октября 1929 г. на заседании РВС недавно отучившийся в Германии Уборевич назвал *«самым страшным – неумение войск пользоваться этой техникой. Танки выпускаются быстрее, чем командиры-специалисты. Подготовка квалифицированных бойцов требует большого времени. Положение должно быть таково, чтобы подготовка в армии людских ресурсов и оснащение армии техническими средствами шли параллельно»*¹⁵⁶. И все же темпы обучения экипажей и специалистов по ремонту и обслуживанию новой техники неизменно отставали от масштабов ее поступления в Красную армию.

Тем не менее на этот раз идеи Тухачевского удачно совпали с новыми возможностями, возникшими в связи с проводившейся полным ходом индустриализацией страны, и были замечены. Сталин высоко оценил острый ум, широту знаний, деловую хватку, инициативу и новаторство их автора. Свидетельством роста влияния молодого военачальника в армии стало его назначение на высокий пост начальника вооружений РККА в июне 1931 г. Одновременно он стал заместителем наркома по военным и морским делам Ворошилова.

Между тем с осени 1929 г. страны Запада охватил жесточайший экономический кризис. Он существенно ослабил их материальные и финансовые возможности, включая способность вести большую войну. Но московское руководство предпочло закрыть глаза на эти обстоятельства. Больше того, именно кризисом оно обосновывало дальнейшее нарастание мифической

¹⁵⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1009. Л. 73–74 об., 77 об. – 85. Цит. по: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). Сборник документов. М.: ТЕРРА, 2008. С. 699–700.

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 68–71. Цит. по: Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. Т. 3. Ч. 1. С. 685.

¹⁵⁶ Минаков С.Т. Указ. соч. С. 375–376.

угрозы нападения на Советский Союз. Такая точка зрения прозвучала с самой высокой трибуны в политическом отчете ЦК ВКП(б), сделанным Сталиным XVI съезду партии 27 июня 1930 г.:

«...каждый раз, когда капиталистические противоречия начинают обостряться, буржуазия обращает свои взоры в сторону СССР: нельзя ли разрешить то или иное противоречие капитализма, или все противоречия, вместе взятые, за счет СССР, этой Страны советов, цитадели революции, революционизирующей одним своим существованием рабочий класс и колонии, мешающей наладить новую войну, мешающей переделить мир по-новому, мешающей хозяйничать на своем обширном внутреннем рынке, так необходимом капиталистам, особенно теперь, в связи с экономическим кризисом.

Отсюда тенденция к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции, которая (тенденция) должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данный момент является нынешняя буржуазная Франция, родина любвеобильной “Пан-Европы”, “колыбель” пакта Келлога, самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира»¹⁵⁷.

Сталин не случайно ошелмил Францию. Именно ее официальная советская пропаганда начала выдвигать тогда на роль главного пугала. На сфабрикованном в конце 1930 г. показательном судебном процессе «Промпартии» была во всеуслышание озвучена угроза нападения на Советский Союз со стороны этой страны. И в январе 1931 г. в основные принципы плана строительства вооруженных сил внесли кардинальную поправку: отныне РККА должна была превосходить вероятных противников на главном ТВД по всем показателям, а не только по 2–3 решающим видам вооружений, как прежде. Но за очередной скачок в милитаризации пришлось заплатить понижением уровня жизни народа, и в тот же месяц по всему СССР ввели карточную систему на основные продовольственные и другие товары¹⁵⁸.

Новый мобилизационный план № 15 на завершавший первую пятилетку 1933 г. по сравнению с прежними наметками предусматривал полуторакратный рост Красной армии военного времени. Ее состав довели до 150 стрелковых и 22 кавалерийских дивизий, 2 мехкорпусов и 10 мехбригад, в которых числилось 4467 тыс. человек, 20 073 орудий, 8463 танка и танкетки, 979 бронемашин и 3740 боевых самолетов¹⁵⁹. Такая РККА обгоняла по численности армии Германии и Франции, сражавшиеся в 1918 г. на Западном ТВД. Для скорейшего насыщения войск современной техникой 1 августа 1931 г. Совет Труда и Оборона одобрил предложенную РВС «Большую танковую программу», которая санкционировала резкий рост выпуска этих боевых машин¹⁶⁰. А следующей весной Совнарком утвердил мобзаявку военного ведомства, предусматривавшую производство в первый год войны 13,8 тыс. малых и 2 тыс. средних танков, а также 15 тыс. танкеток¹⁶¹.

Заботились в Советском Союзе и о морских вооружениях. В июле 1931 г. по предложению Сталина была принята программа постройки к концу 1935 г. 200 подводных лодок, 40–50 эсминцев, 250 торпедных катеров и соответствующего числа гидросамолетов общей стоимостью около 2 млрд рублей¹⁶². Для тогдашней советской экономики подобные планы не имели никаких шансов на своевременное выполнение, но тут важно другое: военно морская программа СССР была направлена отнюдь не против флотов его ближайших соседей. Ведь в сильнейшем из них, польском, в 1933 г. самыми крупными кораблями были два эсминца и три

¹⁵⁷ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1930. С. 23.

¹⁵⁸ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 209.

¹⁵⁹ Там же. С. 471.

¹⁶⁰ Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 149.

¹⁶¹ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 250.

¹⁶² Там же. С. 253.

подводные лодки, а до начала Второй мировой войны к ним добавились еще два эсминца и две подводные лодки¹⁶³. Массовое строительство боевых кораблей означало вступление Москвы в военное соперничество с великими державами не только на суше, но и на море.

Под оглушительный аккомпанемент антизападной риторики приготовления к войне в Советском Союзе шли полным ходом. По планам первой пятилетки создавалась индустриальная база страны и в первую очередь – предприятия, способные выпускать военную продукцию. При этом для импорта передовых технологий с большой выгодой использовалась тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся тогда во всем мире. Ослабленные длительным кризисом западные компании брались выполнить советские заказы в кратчайшие сроки и за минимальную оплату. Ведь в то время они нередко не имели других возможностей получить новые контракты или реализовать свою готовую продукцию.

Одними из основных поставщиков промышленного оборудования на советские стройки были немцы. В первой половине 1932 г. из их экспорта на долю СССР пришлось 50 % чугуна и стали, 60 % землеройной техники и динамо машин, 70 % металлообрабатывающих станков, 80 % подъемных кранов и листового металла, 90 % турбин и парового кузнечно прессового оборудования¹⁶⁴. Щедрые советские заказы стали манной небесной для многих промышленных компаний Германии. Благодаря им они сумели избежать банкротства и остаться на плаву, а в скором будущем приняли активное участие в процессе ее ремилитаризации.

¹⁶³ Zaloga S., Madej V. The Polish Campaign 1939. N. Y.: Hippocrene Books, 1985. P. 99–100.

¹⁶⁴ Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М.: Центрполиграф, 2008. С. 293.

2.3. Очаг войны на Дальнем Востоке

В начале 30 х гг. на Дальнем Востоке стал разгораться очаг будущей большой войны. В ночь на 19 сентября 1931 г. Япония начала оккупацию северо восточной части Китая – Маньчжурии. На захваченной ею китайской территории 18 февраля 1932 г. образовалось марионеточное государство Маньчжоу Го. Очевидно, не без влияния этих тревожных событий 18 июня 1932 г. Сталин написал Орджоникидзе: *«Японцы конечно (конечно!) готовятся к войне с СССР, и нам надо быть готовыми (обязательно!) ко всему»*¹⁶⁵.

Тем не менее советское руководство не считало положение на Дальнем Востоке опасным, ведь в отличие от третьего по силе в мире ВМФ Японии ее сухопутная армия была невелика. В 1925 г. она сократилась с 21 до 17 пехотных дивизий, и это число оставалось неизменным в течение последующих 12 лет. Лишь одна из них, сменявшаяся каждые два года, постоянно дислоцировалась недалеко от СССР, на самом юге Маньчжурии в крепости Порт Артур. Японские планы мобилизации в случае войны одновременно против Китая, СССР и США, действовавшие в 1926–1932 гг., предусматривали развертывание 32 дивизий. Из них 16 предназначались для борьбы с китайцами, а 13 – с Красной армией (3 в Приморье и Приамурье, а еще 10 – в Северной Маньчжурии). Остальные 3 должны были воевать с американцами на Филиппинах и Гуаге¹⁶⁶.

К тому же вспыхнувший в Китае вооруженный конфликт в известном смысле оказался полезным для безопасности СССР. Он ликвидировал угрозу вторжения в МНР китайских милитаристов, с которыми Красной армии довелось повоевать в 1929 г. на КВЖД¹⁶⁷. Советскому Союзу была выгодна роль третьего радующегося, в которой он тогда оказался. Особенно если учесть, что у него появилась возможность не только спокойно понаблюдать со стороны за кровавой схваткой своих потенциальных противников, но и кое что на ней заработать. Неудивительно, что в декабре 1932 г. Союзнефтеэкспорт заключил договор с Мукденским акционерным обществом воздушных сообщений в Южной и Северной Маньчжурии на поставку 1300 т бензина. И хотя половина его предназначалась для снабжения оккупационной Квантунской армии, ни Сталин, ни Ворошилов не возражали против этой сделки¹⁶⁸.

В целом отношения между СССР и Японией складывались тогда неплохими. Их фундамент заложила Конвенция об основных принципах взаимоотношений между этими странами от 20 января 1925 г.¹⁶⁹ А 14 декабря того же года в Москве председатель Высшего совета народного хозяйства Ф.Э. Дзержинский и адмирал Сигецуру Накасато подписали договор о продаже японцам нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине сроком на 45 лет¹⁷⁰. В 1930 г. японцы вывезли оттуда 200 тыс. т нефти¹⁷¹. Это внесло весомую добавку в нефтяной баланс Японии, которая в том году добыла у себя 282 тыс. т нефти и по разным данным экспортировала от 1525 до 2467 тыс. т бензина¹⁷². Суммарный вывоз сахалинской нефти в Японию с 1934 до 1938 г. составил 958 900 т. До захвата японцами голландской ОстИндии Сахалин являлся главным источником топлива для их ВМФ. Сахалинские концессии действовали до 30 марта

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 779. Л. 47.

¹⁶⁶ Cooh A.D. Nomongan: Japan against Russia, 1939. Vol. I. Stanford, Ca: Stanford University Press, 1990. P. 6, 10–11, 18, 181.

¹⁶⁷ Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ОГНИ, 2003. С. 193.

¹⁶⁸ К 70 летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 97–98.

¹⁶⁹ ДВП СССР. Т. VIII. 1 января – 31 декабря 1925 г. М.: Политиздат, 1963. С. 70–77.

¹⁷⁰ Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР: В 2 ч. Ч. II. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 249, 254, 259.

¹⁷¹ Там же. Ч. I. С. 83.

¹⁷² Mitchell B.R. International Historical Statistics: Africa, Asia & Oceania, 1750–1993. London: Macmillan Reference Ltd, 1998. P. 362, 507.

1944 г., когда согласно совместному протоколу их передали в собственность СССР за 5 млн рублей и обязательство ежегодно продавать Японии по 50 тыс. т нефти и угля в течение пяти послевоенных лет¹⁷³.

23 января 1928 г. Советский Союз и Япония подписали рыболовную конвенцию, предоставившую японцам «право ловить, собирать и обрабатывать все виды рыб и продуктов моря, кроме котиков и морских бобров», вдоль советского побережья Японского, Охотского и Берингова морей за исключением рек и некоторых бухт. Конвенцию заключили на 8 лет, по истечении которых ее требовалось изменить или возобновить, а потом повторять эту процедуру каждые 12 лет¹⁷⁴. Впоследствии она была продлена и оставалась в силе до самого начала советско японской войны в августе 1945 г.

Высокий уровень доверия между СССР и Японией характеризует совершенно секретное постановление Политбюро от 23 июня 1927 г.: «Принять предложение т. Ворошилова о допуске в СССР нескольких (не более 5-ти) офицеров японской армии для изучения языка и получения военных знаний, на началах взаимности»¹⁷⁵. На этой основе в том же году было заключено соглашение об обмене стажерами между командным составом армий обеих стран, регулярно продлевавшееся военным ведомством и Политбюро¹⁷⁶. Оно все еще действовало в 1937 г., когда японцы командировали в РККА на годичную стажировку восемь своих офицеров в чине капитана. Тогда же в японскую армию на аналогичный срок отправились пять советских командиров того же звания и с ними два воентехника 2 го ранга [воинское звание военного технического состава РККА, соответствовавшее лейтенанту. – *Авт.*]¹⁷⁷.

Учитывая эти обстоятельства, осенью 1931 г. СССР считал достаточным держать там сравнительно небольшие силы: 42 тыс. человек при 352 орудиях, 16 танках и 88 самолетах, что составляло около 5 % сил Красной армии мирного времени. После начала японской агрессии в Маньчжурии к концу 1932 г. штаты ОКДВА довели до 152 тыс. человек, 868 орудий, 733 танков и танкеток, 279 самолетов¹⁷⁸. Этого с лихвой хватало, чтобы защитить советский Дальний Восток от любых посягательств, ведь дислоцировавшаяся в Маньчжурии японская Квантунская армия в сентябре 1931 г. состояла из одной неполной пехотной дивизии, шести отдельных батальонов охраны железной дороги общей численностью 10 400 человек с 31 орудием. В следующем году к ним добавились еще три дивизии, после чего ее силы выросли до 94,1 тыс. человек, 50 танков и 100 самолетов¹⁷⁹. Но, несмотря на столь благоприятное для себя соотношение сил, Москва предпочла лишний раз перестраховаться и перебросила на Дальний Восток инженерно строительные части, начавшие широкомасштабные работы по укреплению границы¹⁸⁰.

В дальнейшем по мере усиления Квантунской армии СССР в свою очередь систематически наращивал противостоявшую ей группировку своих войск. Динамика эта процесса прослеживается в Таблице 2.1.

Таким образом, Красная армия неизменно сохраняла существенное численное превосходство над японской в людях и подавляющее – в основных видах боевой техники, что позволяло прочно обеспечивать безопасность дальневосточных рубежей. Советско японский воору-

¹⁷³ Иголкин А.А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 м годах М.: ИРИ РАН, 2005. С. 213, 215, 220–221; Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). М.: БИМПА, 2006. С. 156.

¹⁷⁴ ДВП СССР. Т. XI. 1 января – 31 декабря 1928 г. М.: Политиздат, 1966. С. 42–43, 46.

¹⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 47–48.

¹⁷⁶ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 270.

¹⁷⁷ Халхин Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70 летию начала Второй мировой войны. М.: Академкнига, 2009. С. 174–175.

¹⁷⁸ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 268–269.

¹⁷⁹ Соох А.Д. Nomongan: Japan against Russia, 1939. Vol. I. P. 26, 84.

¹⁸⁰ Черевко К.Е., Кириченко А.А. Указ. соч. С. 32.

женный конфликт, произошедший летом 1938 г. в районе оз. Хасан, продемонстрировал это более чем убедительно. Предпосылкой к нему послужила недостаточно подробно маркированная граница между СССР и Маньчжоу Го. Каждая из сторон настаивала, что сопки Заозерная и Безымянная находились на ее территории. Первыми за столбить спорные участки попытались советские войска. На Заозерную 6 июля выдвинулась небольшая группа конных пограничников, а через неделю там окопались уже 50 красноармейцев. Японцы сначала попытались урегулировать проблему дипломатическими средствами, а когда они не помогли – применили силу. В результате с 29 июля начались ожесточенные бои, закончившиеся перемирием 11 августа. За эти две недели сопки Заозерная и Безымянная не раз переходили из рук в руки, но в итоге достались СССР.

Таблица 2.1

Соотношение сил и средств между войсками РККА на Дальнем Востоке и Квантунской армией¹⁸¹

Год	Страна	мк	Дивизии		Бригады				Эквивалентные дивизии*	Личный состав	Танки	Самолеты
			пех. или стр.	кав.	стр.	кав.	мех. или танк.	мото-брон.				
1934	СССР		13	3			1		16,5	235 235	1301	638
	Япония		3						3	144 100	120	130
	соотношение		4,3:1						5,5:1	1,6:1	10,8:1	4,9:1
1935	СССР		14	3			3		18,5	238 533	1948	1437
	Япония		3						3	164 100	150	220
	соотношение		4,7:1						6,2:1	1,5:1	13,0:1	6,5:1
1936	СССР		14	4		1	4		20,5	354 093	3628	2189
	Япония		3						3	194 100	150	230
	соотношение		4,7:1						6,8:1	1,8:1	24,2:1	9,5:1
1937	СССР		15	4		1	4	1	22	380 780	3983	2536
	Япония		5						5	200 000	150	250
	соотношение		3,0:1						4,4:1	1,9:1	26,6:1	10,1:1
1938	СССР	1	18	4	3	1	4	2	28,5	447 000	4545	2623
	Япония		7						7	220 000	170	340
	соотношение		2,6:1						4,1:1	2,0:1	26,7:1	7,7:1
1939	СССР	1	19	4	3	2	7	3	32	582 000	6487	2864
	Япония		9			1	1		10	270 000	200	355
	соотношение		2,1:1			2,0:1	7,0:1		3,2:1	2,2:1	32,4:1	8,1:1

Со стороны Красной армии там действовал 39 й ск в составе двух стрелковых дивизий, мехбригады и частей усиления общей численностью 22 950 бойцов и командиров. В ходе боев он безвозвратно потерял 960 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран и болезней. Еще 3279 человек были ранены, контужены, обожжены или заболели. Таким образом, общая убыль достигла 18,5 % советских участников конфликта¹⁸². Японцы выставили против них около 7300 человек из частей 19 й пд, 526 из которых были убиты, а 913 ранены¹⁸³. В живой силе РККА создала тройное превосходство, а в боевой технике – абсолютное: против 285 советских танков и 356 самолетов японцы не имели ни одного своего¹⁸⁴. В такой обстановке

¹⁸¹ Cooh A.D. Nomongan: Japan against Russia, 1939. Vol. I. P. 84; ЦАМО. Ф. 15. Оп. 2154. Д. 4. Л. 1–30. Цит. по: 1941 год. Кн. 2. С. 536–537, 545; Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. С. 156, 171, 193–195, 213–215, 286; Горбунов Е.А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М.: Вече, 2002. С. 427; Коломиец М. Бои у реки Халхин Гол // Фронтовая иллюстрация. № 2. 2002. С. 4; Кондратьев В.И. Битва над степью. Авиация в советско японском вооруженном конфликте на реке Халхин Гол. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2008. С. 9; Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 252, 510–511, 513–514, 518.

¹⁸² Кривошеев Г.Ф. и др. Указ. соч. С. 152–153.

¹⁸³ Cooh A.D. Nomongan: Japan against Russia, 1939. Vol. I. P. 135–136.

¹⁸⁴ Кошкин А.А. «На границе тучи ходят хмуро...» // «На границе тучи ходят хмуро...» М.: Кучково поле, 2005. С. 120; Колесниченко К.Ю. Левшов П.В. Советская авиация в вооруженном конфликте у озера Хасан (июль – август 1938 г.) // ВИЖ. № 8. 2018. С. 10.

командование Квантунской армии быстро осознало всю бесперспективность своих усилий и пошло на попятную.

Но и без учета хасанского урока советское руководство не могло не видеть, что угроза со стороны Японии носила лишь локальный характер. Даже наихудший из всех мыслимых сценариев развития конфликта с ней мог привести разве что к потере некоторых районов Сибири и Дальнего Востока, но никак не угрожал самому существованию СССР. Ведь эти территории тогда были мало освоены и слабо заселены, а их богатейшие ресурсы полезных ископаемых все еще дожидались своих первооткрывателей.

2.4. Эскалация гонки вооружений

В случае большой войны судьба Советского Союза должна была решиться на его западных границах. Наступая оттуда, агрессор в случае успеха мог овладеть его наиболее густонаселенными территориями, основными политическими, индустриальными и культурными центрами, важнейшими сельскохозяйственными регионами, главными транспортными узлами и тем самым парализовать возможности страны к дальнейшему сопротивлению. Именно этот факт отметил один из руководящих работников советской военной разведки Б.Б. Бортновский, подготовивший в 1931 г. аналитический обзор «Задачи обороны Советского Союза с военной стратегической точки зрения». Там предсказывалось, что *«основной удар будет, вероятно, нанесен в Европе»*, и главным агрессором, вероятнее всего, станет Польша. А любое наступление на СССР с востока неизбежно завязнет в бескрайних пространствах Сибири¹⁸⁵.

Аналогичную точку зрения изложил Ворошилов, выступая перед 200 высшими и старшими командирами армии и флота на расширенном заседании РВС СССР 25 октября 1932 г. Он начал с дежурной фразы: *«Нашим неизбежным противником во всякой войне будет мировая буржуазия»*. И раскрыл этот тезис подробнее, указав, что *«вследствие сложных империалистических противоречий на Востоке»* военный конфликт там приобретет характер *«на некоторое время локальной войны только с Японией. Но если на нас нападут с Запада, то такая война локальной быть не может. Война на Западе будет войной по меньшей мере капиталистической Европы с Советским Союзом. <...> Поэтому ни в коем случае не следует себя успокаивать тем, что поляки не имеют сегодня танков. Они будут иметь их, во всяком случае иметь то, что имеет Европа – Англия и в особенности Франция. Разве можно допустить, чтобы разрешили нам без борьбы, без большой войны перекрасить Польшу?»*¹⁸⁶

Нарком был прав: наиболее важным полем политической, дипломатической и военной деятельности Москвы попрежнему оставалась Европа. И ее усилия не пропали даром: в 1932 г. были последовательно заключены договоры о ненападении с Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей и, наконец, с Францией¹⁸⁷. Аналогичный договор с Литвой действовал еще с 1926 г.¹⁸⁸ А 2 сентября 1933 г. советский посол в Риме В.П. Потемкин и глава фашистского правительства Бенито Муссолини подписали «Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете» между СССР и Италией¹⁸⁹.

Все эти несомненные международные успехи позволили снять напряженность на западной границе СССР, и было бы резонным ожидать сокращения его затрат на вооружение. Но не тут то было: в 1933 г. там построили 1242 танкетки, 2577 танков и 4115 самолетов¹⁹⁰. Судя по этим числам, боевой техники в советской стране производилось больше, чем во всех остальных, вместе взятых, и это при полном отсутствии сколько нибудь ощутимой внешней угрозы...

Наконец, 1 декабря 1933 г. в приказе РВС № 0101 «Об итогах боевой подготовки РККА за 1933 год и задачах на 1934 год» всему командному и начальствующему составу Красной армии было официально объявлено: *«Наша Красная армия реально, фактически стала первой армией в мире. Теперь уже не только морально-политические свойства нашей армии, определяемые ее классовой природой и марксистско-ленинским воспитанием личного состава, не только численность и успехи в боевой подготовке армии, но и мощная оснащенность совре-*

¹⁸⁵ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 275–276.

¹⁸⁶ Там же. С. 275.

¹⁸⁷ ДВП СССР. Т. XV. 1 января – 31 декабря 1932 г. М.: Политиздат, 1969. С. 45, 83, 296, 436, 637.

¹⁸⁸ Там же. Т. IX. 1 января – 31 декабря 1926 г. М.: Политиздат, 1964. С. 446.

¹⁸⁹ Там же. Т. XVI. 1 января – 31 декабря 1933 г. М.: Политиздат, 1970. С. 494–496.

¹⁹⁰ Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Указ. соч. С. 17; Мухин М.Ю. Указ. соч. С. 115.

*менной боевой техникой сделали Красную армию первой и единственной армией в мире. Это бесспорно, это непреложный факт!»*¹⁹¹

Казалось бы, создав лучшую в мире армию, можно и передохнуть, но не тут то было. Вопреки всякой логике изматывающая страну гонка вооружений вступила в новый этап. Основной задачей второй пятилетки в области обороны объявлялась подготовка *«такого развития военно-производственной базы, которое обеспечило бы Советскому Союзу превосходство вооружения над самым могущественным европейским противником – Францией и ее союзниками на нашей западной границе – Польшей и Румынией, особенно по главным видам новой боевой техники – авиации, танкам и химии. <...> Такой уровень развития военно-производственной базы, наряду с подготовкой по другим отраслям хозяйства, преимуществами политического порядка, высоким развитием производительных сил и полной независимостью от заграницы позволит СССР успешно противостоять коалиции нескольких крупнейших империалистических противников»*¹⁹².

Очевидно, у советского руководства по прежнему не возникало ни малейших сомнений в неизбежности близкой войны со странами, априорно записанными во враги, причем не скоротечной, а продолжительной. Даже заключение договоров о ненападении с Францией и Польшей ничуть не поколебало эту уверенность. В июне 1932 г. Штаб РККА пожелал к 1938 г. иметь достаточные индустриальные мощности для выпуска в течение года войны 74 тыс. самолетов, 203 тыс. авиамоторов, 85 тыс. танков, 40 тыс. танкеток и 86 тыс. орудий¹⁹³. В то время этим Штабом руководил Егоров, но его заявка, несомненно, перекликалась с недавними запросами Тухачевского. А Ворошилов, незадолго до того жестко критиковавший последнего за его записку, на этот раз согласился с такими астрономическими числами. В докладе Егорова Ворошилову содержались главнейшие задачи второго пятилетнего плана строительства Красной армии:

*«а) закрепление за СССР первого места в мире по всем решающим видам средств борьбы – авиации, танкам, артиллерии, на базе завершения технической реконструкции и перевооружения всех ее родов войск современной боевой техникой; б) по своему масштабу военного времени Красная Армия должна быть в состоянии вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести армиям этих держав решительный и сокрушительный удар и поражение»*¹⁹⁴.

Только в следующей пятилетке программы производства боевой техники, наконец то, приблизились к реальности: к 1938 г. в случае войны планировалось ежегодно изготавливать 32 тыс. самолетов, 40 тыс. танков, 20 тыс. танкеток, 84,5 тыс. орудий, 4188 тыс. единиц стрелкового оружия¹⁹⁵. Эти наметки оказались куда более обоснованными, чем прежние, если вспомнить, что во время Великой Отечественной в СССР в среднем ежегодно выпускались 30,5 тыс. самолетов, 24,6 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 131,3 тыс. орудий и минометов, 4957,5 тыс. единиц стрелкового оружия¹⁹⁶.

Зато представления о том, с кем придется сражаться, по прежнему оставались фантастическими. В проекте доклада НКО «О развитии РККА во вторую пятилетку», подготовленном для Комиссии обороны СССР и подписанном начальником Штаба РККА Егоровым 13 декабря 1933 г., к *«вероятным ближайшим противникам»* Советского Союза были отнесены все без исключения соседние с ним страны Запада, а также Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

¹⁹¹ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 356.

¹⁹² Там же. С. 336.

¹⁹³ Там же. С. 336–337.

¹⁹⁴ Там же. С. 345.

¹⁹⁵ Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. Т. 3. Ч. 2 (1933–1937). Сборник документов. М.: ТЕРРА, 2011. С. 17.

¹⁹⁶ Кривошеев Г.Ф. и др. Указ. соч. С. 510.

Согласно сделанным там расчетам, только Польша, Румыния, Финляндия, Латвия, Литва и Эстония в 1938 г. могли развернуть армии, насчитывавшие в общей сложности до 3,4 млн человек, 3 тыс. самолетов и 2,8 тыс. танков. Прогнозировалось, что соседние государства на Западе, Юге и Дальнем Востоке смогут выставить против СССР в 1938 г. 122 пехотные и 5 кавалерийских дивизий, а также 7 пехотных и 24 кавалерийские бригады, в которых будут числиться 6,9 млн человек, 6,6 тыс. самолетов и 6 тыс. танков. Такие устрашающие числа не имели ни малейшего отношения к действительности, однако именно ими обосновывались реальные планы развития Красной армии на вторую пятилетку. Кроме того, доклад предупреждал, что *«непосредственные соседи на западной границе могут получить в первый же период войны с СССР активную поддержку от крупных империалистических государств (Франция, Англия) в виде мотомех[анизированных] войск и авиации»*¹⁹⁷. Поэтому там же приводились сведения о вооруженных силах Франции и даже об *«Англо-индийской армии»*.

Практически все ближайшие соседи СССР зачислялись в потенциальные члены антисоветской коалиции, а о каких либо его союзниках не было и речи. При подсчетах сил вероятных противников учитывалась даже единственная танковая рота армии Афганистана, а ведь совсем незадолго до того времени авторы вышеупомянутой книги «Будущая война» считали эту страну дружественной. Но за гипертрофированными воображаемыми угрозами авторы доклада проглядели реальную опасность. Германия в нем даже не упоминалась, а ведь нацисты находились там у власти уже около года.

По существу, Советский Союз всерьез готовился воевать ни больше ни меньше как со всем окружавшим его миром одновременно и надеялся выиграть такую войну. Столь масштабное противостояние потребовало к 1938 г. увеличить армию мирного времени до 92 стрелковых дивизий и бригад, 22 кавдивизий, 6 мехкорпусов, 20 отдельных танковых и механизированных бригад, 53 авиабригад. После мобилизации к ним должны были добавиться еще 68 стрелковых дивизий. Таким образом, Красную армию численностью в 850 тыс. человек после начала войны планировали развернуть до 4,7 млн, к которым в течение первого года войны должны были прибавиться еще 600 тыс. Для вооружения такой армии требовались 18 тыс. танков, 50,3 тыс. орудий и 7,5 тыс. боевых самолетов¹⁹⁸.

Нельзя забывать, что все эти умопомрачительные горы вооружений хотели ввести в строй в течение пяти лет, начиная с 1933 г., когда прямые угрозы СССР существовали только в воспаленном воображении его высших руководителей. О действительной необходимости спешного изготовления такой массы боевой техники никто из власть имущих тогда, к сожалению, не задумывался. Их не волновал уровень ее реального качества в условиях непомерных требований к росту производства любой ценой. Не заботила и возможность ее морального устаревания и физического износа к тому моменту, когда она может понадобиться.

А главное, руководство страны явно не осознавало, что оснащение вооруженных сил новейшей материальной частью – это только начало. Не менее важно обучить личный состав ее эффективному использованию и полноценному обслуживанию, а до этого предвоенной Красной армии было очень далеко. Возьмем, к примеру, соотношение затрат на приобретение авиационной техники и боевую подготовку ВВС. В 1930 г. на эти цели выделялось, соответственно, 84 млн и 252 тыс. рублей (333:1), в 1935 г. – 756 млн и 5,7 млн рублей (133:1), в 1940 г. – 7,7 млрд и 16 млн (481:1)¹⁹⁹. Схожая картина наблюдалась во всех технических войсках. Все внимание уделялось скорейшему насыщению армии основными видами боевой техники, причем ее количество неизменно оказывалось недостаточным. Аппетит военных непрерывно рос

¹⁹⁷ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 344.

¹⁹⁸ Там же. С. 345–346.

¹⁹⁹ Герасимов Г. ВВС РККА накануне войны // Легенды и мифы отечественной авиации. Вып. 1. М.: Фонд содействия авиации «Русские витязи», 2009. С. 172.

по мере его удовлетворения, и приемлемый для них уровень вооружений был так же недостижим, как линия горизонта.

Интересно, что ограничить непомерные запросы военного ведомства пытался не кто иной, как его нарком Ворошилов. Он в свое время поучал Тухачевского и его сторонников: *«Если вы хотите разорить государство и оскандалить себя, вы организуете такое количество танков в армии в мирное время. <...> Это очень дорогое удовольствие, с одной стороны, а с другой стороны – это ненужная вещь. <...> Это значит съесть все, что государство будет тебе давать, с тем, чтобы быть голодным, когда настанет война»*²⁰⁰. Трудно сказать, чем руководствовался Ворошилов, излагая эти трезвые мысли. Не исключено, что тут не обошлось без влияния конфликтов, возникших между ним и Тухачевским во времена Гражданской войны. С тех пор в их отношениях постоянно ощущалась известная напряженность. Хотя, кто знает, может быть, нарком действительно старался сэкономить народные деньги. Но на эти рациональные соображения никто не обращал внимания, и разорительная для и без того нищей страны гонка вооружений с воображаемыми противниками продолжалась полным ходом.

Для РККФ разрабатывались не менее амбициозные планы роста. Принятая в 1933 г. программа строительства боевых кораблей предусматривала в 1941 г. ввести в строй 8 линкоров. Еще раньше, в 1938 г., намечалось завершить постройку 11 крейсеров, 10 лидеров, 40 эсминцев, 376 подводных лодок и 312 торпедных катеров²⁰¹. Располагая столь внушительной армадой, СССР превратился бы в серьезную угрозу на море для любой великой державы того времени. Быстрый рост советского ВМФ обеспокоил даже «владычицу морей» Великобританию, попытавшуюся хоть как то его ограничить. По ее предложению 17 июля 1937 г. через 20 минут после подписания аналогичного англогерманского документа в Лондоне было заключено англо советское морское соглашение. Оно предусматривало качественные лимиты для основных категорий боевых кораблей и взаимную информацию об их строительстве. Соглашение не распространялось на советские ВМС на Дальнем Востоке до тех пор, пока не будет заключен соответствующий договор между СССР и Японией²⁰². Но, судя по всему, Москва не собиралась его соблюдать. В «Большой кораблестроительной программе» на 1938–1947 гг. была запланирована постройка 15 линкоров с 406 мм главным калибром, 15 тяжелых (с 305 мм) и 28 легких (со 152 мм) крейсеров сметной стоимостью 35 млрд рублей²⁰³. И это еще не упоминая сотен боевых кораблей других классов...

Однако дистанция от желаемого до действительного оказалась слишком велика. Несмотря на все усилия, до войны Советскому Союзу так и не удалось создать большой океанский флот, хотя средства на него ушли громадные. Значительная доля их оказалась замороженной в так и не достроенных линкорах и тяжелых крейсерах, из за чего все затраченные на них ресурсы оказались выброшенными на ветер. А ведь в свое время видный советский военный теоретик А.А. Свечин, описывая Первую мировую войну, справедливо отметил: *«Наша армия могла бы сравняться по технике с германской только в случае нашего отказа от постройки линейного флота; последний, в условиях чрезвычайно невыгодного расположения русских портов в глубине оперативных задворок морей, лишенный надлежащего базирования, был обречен на бездействие. Однако после Цусимы и первой революции мы вновь начали строить кораблики, что отвлекало крупную часть сумм, ассигнуемых на оборону, и еще более существенную часть нашей еще слабой промышленности»*²⁰⁴.

²⁰⁰ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 154.

²⁰¹ Там же. С. 352, 422.

²⁰² Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 – июнь 1941 г.). М.: Правда, 1946. С. 282; ДВП СССР. Т. XX. Январь – декабрь 1937 г. М.: Политиздат, 1976. С. 387.

²⁰³ Краснов В.Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. М.: Наука, 2005. С. 7, 202–203.

²⁰⁴ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.: Академический Проект, 2002. С. 761–762.

Тухачевский в докладе на расширенном заседании РВС 7 мая 1928 г. тоже возражал против строительства линейного флота, поскольку *«цельность Советского Союза как политическая, так и экономическая не может быть нарушена морскими операциями противника»*. По его мнению, *«затрата средств на создание могущественного военно-морского флота имела бы оправдание лишь в том случае, если бы мы были намного сильнее наших вероятных противников на суше и на море (что на деле как раз наоборот) и если бы мы могли создать флот, способный вступить в единоборство с английским флотом (что явно невыполнимо)»*²⁰⁵. Но Сталин питал необъяснимую слабость к линкорам и предпочел в который раз наступить на старые грабли...

Резко возросшие возможности сухопутных войск позволили советскому руководству пересмотреть вероятные сценарии будущих военных конфликтов. Механизированные и танковые соединения РККА получили задачу мощными ударами на большую глубину сорвать мобилизацию и сосредоточение армий противника в начальный период боевых действий, а заодно полностью разгромить и вывести из войны слабых членов предполагаемой вражеской коалиции, таких как Латвия и Эстония. Перспективы тут открывались самые радужные, но в это время в международной обстановке возникла новая угроза, через короткое время заставившая считаться с собой все страны Европы да и всего мира: к власти в Германии пришел Гитлер.

Под его руководством эта страна стала быстро выдвигаться на позицию наиболее сильного и опасного вероятного противника СССР, которую ранее занимала Польша. Но и ту отнюдь не списали со счетов, начав прочить ее в союзники Германии. В Москве, разумеется, прекрасно знали о непримиримых противоречиях между Берлином и Варшавой, но опасались, что они все же могут сговориться против Советского Союза. В качестве базы для такого сговора рассматривался обмен «польского коридора» на совместно захваченные украинские земли. Время показало, что для создания германо-польской коалиции против СССР не нашлось достаточных оснований, поскольку глубокий взаимный антагонизм заведомо перевешивал общие антисоветские интересы этих стран. Но московские вожди, ослепленные долголетней ненавистью к Польше, этого не осознавали или, скорее, не желали осознавать. Наглядным свидетельством этого вопиющего непонимания является директива наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова командованию Балтийского флота от 2 августа 1939 г. В ней он поставил задачу при разработке оперативного плана *«исходить из предположения одновременного выступления против СССР на Северо-Западном направлении объединенных сил Германии, Польши и Финляндии»*²⁰⁶. Между тем до нападения Германии на Польшу тогда оставалось меньше месяца...

По постановлению Политбюро от 22 марта 1935 г., как раз в момент начала неприкрытой милитаризации Германии штатная численность Красной армии мирного времени к середине следующего года должна была впервые перевалить за миллион человек²⁰⁷. Ее качественный рост не отставал от количественного. Еще с 1933 г. технические войска и кавалерия начали превращаться в кадровые, а в 1935 г. с прежней главным образом территориальной или смешанной системы комплектования на чисто кадровую стала переходить и пехота. Если в 1934 г. из 87 стрелковых и горнострелковых дивизий РККА только 23 были кадровыми, то всего через четыре года других уже не осталось²⁰⁸. Это привело к некоторому росту военного бюджета, но, как выяснилось, экономический эффект от внедрения территориальной системы оказался совсем незначительным. Расчеты показали, что в 1925–1926 гг. реальная экономия в годовых расходах на содержание территориальной стрелковой дивизии (1,7 млн руб.) по сравнению с кадровой (1,8 млн руб.) не превышала 6 %. А общий экономический эффект от использования

²⁰⁵ РГАВМФ. Ф. р 1483. Оп. 1. Д. 30. Л. 39–40 об. Цит. по: Становление обороннопромышленного комплекса СССР. Т. 3. Ч. 1. С. 159.

²⁰⁶ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы. 1930–1950 е годы. М.: РОССПЭН, 2005. С. 205.

²⁰⁷ Кен О.Н. Мобилизационное планирование. С. 373–374.

²⁰⁸ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 470.

территориальной системы в 1924/1925 финансовом году составил лишь 4,5 млн рублей, или около 1 % всего военного бюджета²⁰⁹. Так что после полного перехода на кадровую систему комплектования Красной армии ценой небольших дополнительных затрат удалось заметно повысить качество боевой подготовки ее личного состава.

Другие важные реформы тоже способствовали дальнейшему повышению дисциплины и боеготовности войск. Так, 26 сентября 1935 г. приказом НКО СССР № 144 в РККА взамен служебных категорий вводились персональные воинские звания²¹⁰. В 1936 г. призывной возраст в СССР был снижен с 21 года до 19 лет, а начиная с сентября 1939 г., выпускников средней школы начали призывать с 18 лет²¹¹. При этом вооруженные силы неуклонно продолжали расти, и к началу 1937 г. численность их личного состава превысила 1,6 млн человек²¹². Военные расходы страны наращивались еще более быстрыми темпами. С 1935 по 1938 г. затраты на вооружение армии утроились, достигнув 6,9 млрд рублей²¹³.

Интересно проследить историю развития государственного бюджета СССР в последнее предвоенное десятилетие. Его основные статьи сведены в Таблицу 2.2.

Как показывает таблица, коренной перелом в динамике советских военных расходов пришелся на 1934 г., ничем не примечательный с точки зрения международной политики. Тогда они подскочили сразу в 3,5 раза и продолжали неуклонно расти. В результате в мирном 1936 г. оборонный бюджет Советского Союза впервые превзошел затраты на всю его промышленность. Казалось бы, дальше идти уже некуда, милитаризация страны достигла своего предела. И действительно, в течение последовавших двух лет, наряду с продолжавшимся значительным ростом военных расходов, их относительная доля в бюджетной раскладке оставалась стабильной. В 1938 г. они даже чуть отстали по величине от ассигнований на индустрию. Но уже в следующем году оборона поглотила свыше четверти всего государственного бюджета СССР, окончательно опередив все остальные его статьи. А в последнем предвоенном 1940 г. на военные нужды ушла без малого треть бюджета, или вдвое больше, чем на промышленность. Но тогда эти колоссальные затраты были уже оправданы: война стояла у самого порога...

Таблица 2.2

Основные статьи расходов государственного бюджета СССР в 30-е годы²¹⁴

²⁰⁹ Бочков Е.А. Экономические, социально политические и военные аспекты территориально милиционного устройства Вооруженных Сил СССР в 1920–1930 е годы // ВИЖ. № 12. 2005. С. 33.

²¹⁰ Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М.: Летний сад, 2005. С. 225.

²¹¹ Советская военная энциклопедия. Т. 3. М.: Воениздат, 1977. С. 379–380.

²¹² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. С. 272.

²¹³ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. С. 291.

²¹⁴ *Индустриализация СССР. Документы и материалы. 1929–1932 гг. М.: Наука, 1970. С. 46–47, 82–83; Индустриализация СССР. Документы и материалы. 1933–1937 гг. М.: Наука, 1971. С. 30–31, 61–63, 90–92, 121–123, 135–137; Индустриализация СССР. Документы и материалы. 1938–1941 гг. М.: Наука, 1972. С. 25, 31, 41.*

Статьи расходов	Единица измерения	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Промышленность и электрификация	млн руб.	7780	12 577	13 494	13 407	15 900	14 314	16 062	23 616	31 112	28 576
	% бюджета	33,8	40,9	37,8	27,8	24,0	17,5	17,1	19,0	20,3	16,4
Сельское хозяйство	млн руб.	2694	3724	3917	6153	7342	8750	8981	11 409	13 334	12 204
	% бюджета	11,7	12,1	11,0	12,7	11,1	10,7	9,6	9,2	8,7	7,0
Транспорт и связь	млн руб.	5592	4381	3591	5798	7002	8723	7880	7130	5167	5251
	% бюджета	24,3	14,3	10,1	12,0	10,5	10,6	8,4	5,8	3,4	3,0
Образование	млн руб.	1130	1523	2061	2738	3808	5232	6282	18 739	20 314	22 489
	% бюджета	4,9	5,0	5,8	5,7	5,7	6,4	6,7	15,1	13,2	12,9
Здравоохранение и физкультура	млн руб.	74	104	148	382	1118	1719	2084	7668	8323	9035
	% бюджета	0,3	0,3	0,4	0,8	1,7	2,1	2,2	6,2	5,4	5,2
Управление	млн руб.	257	561	886	681	837	1203	1798	5393*	6520*	6841*
	% бюджета	1,1	1,8	2,5	1,4	1,3	1,5	1,9	4,3	4,3	3,9
Оборона	млн руб.	1288	1296	1421	5019	8186	14 883	17 481	23 151	39 181	56 752
	% бюджета	5,6	4,2	4,0	10,4	12,3	18,2	18,6	18,7	25,6	32,6
Прочие расходы	млн руб.	4231	6574	10 149	14 129	22 198	27 003	33 353	26 933	29 348	33 203
	% бюджета	18,3	21,4	28,4	29,2	33,4	33,0	35,5	21,7	19,1	19,0
Всего расходов	млн руб.	23 046	30 740	35 667	48 307	66 391	81 827	93 921	124 039	153 299	174 351
	% бюджета	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

2.5. Предвоенное оперативное планирование

Кроме мобилизационных планов в СССР разрабатывались оперативные, определявшие порядок боевых действий войск в случае их начала. После окончания Гражданской войны их разработка проводилась в военных округах, а с 1924 г. ответственным за создание и изменение оперативного плана будущей большой войны стал Штаб РККА. Такие документы разрабатывались и уточнялись по мере изменения мобилизационных планов Красной армии, роста ее рядов и оснащения, а также под влиянием развития международной ситуации. До начала Великой Отечественной это случилось не менее 15 раз, т. е. почти ежегодно. Их важность и секретность характеризует более чем красноречивый факт: они сами и даже их копии никогда и нигде не печатались, а только переписывались от руки самими исполнителями. Последние предвоенные оперативные планы изготавливались в единственном экземпляре и докладывались только Сталину²¹⁵.

Важнейшее влияние на качество оперативного плана войны оказывает выбор его исходных условий, таких как определение вероятных противников и предполагаемого сценария начала боевых действий. А советское руководство долгое время никак не могло отличить надуманные угрозы от реальных, поэтому перед военными ставились задачи, не имевшие ничего общего с действительностью. Возьмем, к примеру, советский оперативный план, действовавший в 1932 г. и имевший два варианта. Основным считалось отражение нападения Польши и Румынии при активной поддержке Великобритании и Франции. Дополнительный добавлял к военным противникам Финляндию, Эстонию и Латвию. Однако уже в следующем году по указанию начальника Штаба РККА А.И. Егорова дополнительный вариант стал основным. Трудно понять логику этого решения, учитывая, что к тому времени со всеми перечисленными государствами были заключены договоры о ненападении. Как бы то ни было, до мая 1935 г. все оперативные планы разрабатывались на основе именно этих установок²¹⁶.

Необходимость появления кардинально нового оперативного плана назрела после начала широкомасштабной ремилитаризации Германии. Уже в феврале 1935 г. командующий БВО И.П. Уборевич предложил скорректировать действовавший документ с учетом новых наиболее вероятных противников – объединенных германо-польских сил при поддержке Финляндии. В этой связи он считал необходимым разгромить Польшу в первые дни войны, до момента полной мобилизации Германии. Кроме того, Уборевич допускал, что вместе с ними на СССР могут напасть Великобритания, Эстония и Латвия. В конце того же месяца с аналогичными соображениями в записке, адресованной Ворошилову, выступил Тухачевский. Но, в отличие от Уборевича, он не исключал возможность сохранения нейтралитета финнами.

Своевременные и аргументированные предложения видных военачальников не остались незамеченными. 14 апреля Егоров представил в Кремль проект увеличения армии. Он мотивировал его необходимость тем, что *«явно выявившийся немецко-польский блок, направленный в первую очередь против нас, и большой рост вооружений во всем буржуазном лагере делают западный театр вновь в качестве актуального фронта»* [именно такая неуклюжая формулировка вошла в доклад Егорова «Развитие РККА на 1936 й – 1938 й гг.». – Авт.]. Все эти доводы были правильно поняты наверху, и Штаб РККА (переименованный в Генеральный штаб 22 сентября 1935 г.) приступил к разработке «Плана стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе». Высшее политическое руководство страны утвердило его в следующем, 1936 г. Согласно этому плану ожидалось, что основными противниками СССР

²¹⁵ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. С. 55–56.

²¹⁶ Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Указ. соч. С. 187–188.

выступят объединенные силы Германии, Польши, Эстонии и Финляндии. Роль их возможных союзников отводилась Румынии и Латвии²¹⁷.

И тут в отлаженный процесс советского оперативного планирования грубо вмешались репрессии. Они сотрясали Красную армию и ранее, но сразу после судебного процесса Тухачевского и его товарищей по несчастью обрели небывалый размах. В результате вызванной ими кадровой чехарды и острой нехватки квалифицированных исполнителей разработка военных планов существенно замедлилась.

Позже мы подробнее остановимся на вопросе о влиянии репрессий на боеспособность РККА, но должны затронуть их сейчас. Ведь одно из главных обвинений, предъявленных маршалу, имело непосредственное отношение к теме этого раздела. На утреннем заседании Военного совета при наркомате обороны СССР 2 июня 1937 г. выступил Сталин. Он постарался убедить свою аудиторию, что все арестованные по делу Тухачевского оказались заговорщиками против советской власти и иностранными шпионами. И озвучил, казалось бы, убийственный довод против главного обвиняемого: *«Он оперативный план наш, оперативный план – наше святая-святых, передал немецкому рейхсверу»*²¹⁸.

Никто из присутствовавших, разумеется, не посмел тогда возразить вождю или хотя бы указать ему, что рейхсвер уже более двух лет назад переименован в вермахт. Ведь к тому времени Сталин давно и прочно занимал никем не оспариваемое место на самой вершине кремлевского Олимпа и обладал абсолютной и бесконтрольной властью над огромной страной. Советские люди в подавляющем большинстве своем слепо доверяли ему или боялись возражать, так что голословные обвинения заслуженных и прославленных военачальников в самых чудовищных преступлениях не вызвали публичного неприятия, хотя они не подкреплялись никакими вещественными доказательствами и основывались исключительно на самоговорах подследственных, выбитых из них самыми жестокими методами. К тому же участники заседания при всем желании не могли проверить правдивость слов Сталина. Даже те немногие из них, кто имел непосредственное отношение к хранившемуся за семью печатями оперативному плану РККА и сокровеннейшим секретам советской разведки, вполне могли предполагать, что всеведущему вождю известны какие то тайны, недоступные им самим. Ведь он располагал такими уникальными источниками информации, каких не было ни у кого другого в СССР.

Но сейчас появилась возможность убедиться в абсурдности и беспочвенности сталинского обвинения. Для этого достаточно сопоставить некоторые достоверные факты и даты. Мы знаем, что к тому времени Германия была окончательно признана не только одним из наиболее вероятных противников СССР, но и самым опасным из них, поэтому фигурировала в списках врагов на первом месте. Если бы она на самом деле завладела действовавшим тогда советским оперативным планом, его по понятным причинам безотлагательно заменили бы на другой. А ведь этого отнюдь не произошло. С момента выступления Сталина на июньском Военном совете 1937 г. до появления следующего плана прошло около десяти месяцев. Да и потом прежний документ еще долго оставался в силе, пока разработанный ему на замену план дожидался официального утверждения, с которым явно никто не торопился. В результате оперативный план, якобы выданный немцам Тухачевским, продолжал действовать в общей сложности почти полтора года после его расстрела. Такое могло произойти, только если Сталину понадобилось публично оклеветать и опорочить Тухачевского, чтобы оправдать уничтожение невинного человека, а вместе с ним – и многих других.

²¹⁷ Там же. С. 191–192.

²¹⁸ АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1120. Л. 48–81. Цит. по: Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. С. 131.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.